

Сильнодействующее лекарство

Автор:

Артур Хейли

Сильнодействующее лекарство

Артур Хейли

Артур Хейли: классика для всех

Они – врачи. Хорошие врачи. Слишком хорошие...

Слишком хорошие, чтобы не быть абсолютно честными...

Чтобы не потерять большую любовь...

Чтобы не избежать вечных неприятностей...

Чтобы не страдать и не мучиться из-за чужой боли...

...И врачи становятся героями. Людьми, находящими выход из безвыходных ситуаций. Потому что мужество врача – это самое сильнодействующее лекарство.

Артур Хейли

Сильнодействующее лекарство

Личное обращение автора этой книги к читателям

В 1979 году, когда вышел в свет роман “Перегрузка”, я публично объявил о прекращении писательской деятельности. Мои силы иссякли. За плечами была полная, насыщенная жизнь. Я был и по-прежнему остаюсь благодарным миллионам читателей во всем мире, которые сделали мою жизнь богаче в самом широком смысле этого слова. А также и за то, что они обеспечили мне возможность отойти от дел.

В оставшиеся годы жизни я был намерен уделять больше времени моей любимой жене Шейле, путешествовать, ловить рыбу, читать новые книги, отдыхать, слушая музыку, и заниматься прочими делами, которые не может себе позволить постоянно работающий писатель.

В то время я не знал, что находился буквально на пороге смерти, что в моих сердечных артериях образовалось шесть тромбов. Таков был диагноз, поставленный моим другом и лечащим врачом доктором Эдвардом Роббинсом из Сан-Франциско. Он настаивал на немедленной операции. Она была осуществлена в Техасском институте сердечных заболеваний доктором Дептоном Кули и его помощниками, которым я безмерно благодарен.

И, как всегда в нашей долгой, счастливой супружеской жизни, в эти дни я ощущал поддержку Шейлы. Далеко не случайно имя героини этого романа, а ее зовут Селия, близко по звучанию к имени моей жены.

Итогом всех этих событий явилось мое возвращение в доброе здоровье и приток свежих сил. Именно последнее обстоятельство побудило однажды Шейлу сказать мне: “По-моему, тебе следует написать еще одну книгу”.

Я последовал ее совету. Так появилось “Сильнодействующее лекарство”.

5 апреля 1984 г.

А. Х.

Пролог

1985

В переднем салоне “Боинга-747”, полчаса назад покинувшего лондонский аэропорт, в салоне для пассажиров первого класса, доктор Эндрю Джордан взял в ладони руку своей жены.

– Перестань волноваться, – успокоил он ее. – Ничего не случится.

– Что-то обязательно произойдет, – ответила ему жена. – Деннис Донэхью наверняка позаботится об этом.

При упоминании имени сенатора от штата Новая Англия, столь падкого на дешевые сенсации, лицо Эндрю скривилось в гримасе.

– У меня как раз аппетит к обеду разыгрался, – запротестовал Эндрю. – Ты что, нарочно решила его испортить?

– Я говорю совершенно серьезно, Эндрю. Не забывай, что было несколько случаев со смертельным исходом, связанных с лекарствами.

– Ты в это время отсутствовала, находилась за тысячи миль.

– Тем не менее, если начнется уголовный процесс, я попаду в число обвиняемых. Могу даже угодить в тюрьму. Эндрю постарался отогнать тревогу.

– Пока что этого не случилось, но если тебя посадят, я обещаю приходить каждый день и приносить пирог с ножовками, запеченными в начинку.

– Ох, Эндрю! – воскликнула жена, повернувшись к нему с улыбкой, полной любви и печали.

До чего же здорово, подумал Эндрю Джордан, когда после двадцати восьми лет супружеской жизни твоя жена по-прежнему вызывает восхищение. Когда она красива, умна и сильна духом, как и в дни их юности. И дело тут вовсе не в какой-то его сентиментальности. Тысячи раз он был свидетелем проявления всех этих ее качеств, да разве только этих!

– Как славно! – Женский голос, раздавшийся за спиной, прервал их мысли.

Эндрю обернулся. Молоденькая, яркая, жизнерадостная стюардесса наблюдала, как они сидят, взявшись за руки.

– И пожилым дано любить, – невозмутимо изрек Эндрю.

– Да неужели! – в тон ему воскликнула стюардесса. – А я и не догадывалась. Подлить вам шампанского?

– Да, пожалуйста.

Краем глаза Эндрю заметил, что девушка изучает его, и в который раз не без удовлетворения отметил про себя, что до сих пор может быть привлекательным даже для столь юного создания. Как там написали про него на прошлой неделе в одной лондонской газете? Седовласый, элегантный, прославленный врач, муж такой-то... И так далее, и так далее...

Шампанское было разлито, и Эндрю откинулся в кресле. Он получал удовольствие от дополнительных услуг, сопутствующих путешествию в первом классе, даже если, как сегодня, они были незначительными. Конечно, все эти прелести жизни были им доступны благодаря деньгам жены. И хотя у него, преуспевающего терапевта, средств хватило бы на более чем сносную жизнь, Эндрю все же сомневался, смог ли бы он раскошелиться на билет в первом классе от Лондона до Нью-Йорка, не говоря уже о собственном самолете, на котором его жена, а иногда и он сам могли путешествовать по Северной Америке. Точнее – путешествовали, поправил сам себя Эндрю. Что ждет их впереди – неизвестно. Впрочем, деньги никогда не играли главной роли в их жизни. Между ними ни разу не было ни малейшей размолвки из-за денег.

С самого начала жена настояла, чтобы все их банковские счета были общими, хотя вклад Эндрю не составлял и половины.

Мысли Эндрю перескакивали с одного предмета на другой. Они продолжали держаться за руки, а тем временем “Боинг-747”, мерно гудя моторами, нес их на запад над Атлантическим океаном, простиравшимся далеко внизу.

– Эндрю, – сказала жена, – с тобой так спокойно. Ты всегда рядом. И всегда такой сильный.

– Вот уж забавно, – ответил он. – Сильной-то я как раз считаю тебя.

– Сила бывает разной. Мне нужна та, что есть в тебе.

В салоне началась обычная суета, предшествующая обеду. Раскладывались и накрывались белоснежными салфетками откидные столики. На них появились столовые приборы.

После непродолжительного молчания его жена сказала:

– Как бы там ни было, я буду сражаться.

– А разве ты когда-нибудь поступала иначе?

Она задумалась, как всегда сосредоточенно.

– В ближайшие дни я найду себе адвоката. Это должен быть юрист с солидной репутацией, но без склонности к позерству. Излишнее красноречие в этом деле только навредит.

Он слегка пожал ей руку.

– Узнаю мою девочку.

Она улыбнулась в ответ:

– Ты будешь рядом со мной на суде?

– Каждый день. Пациентам придется подождать, пока процесс не закончится.

– Этого ты, конечно, никогда не согласишься, но мне бы очень хотелось, чтобы ты был рядом.

– Существуют ведь и другие врачи. Всегда можно договориться.

– Возможно, – сказала его жена, – вполне возможно, что с помощью хорошего юриста нам удастся совершить чудо.

Эндрю поддел ножом порцию икры, только что поставленную перед ним. Пусть тяжелы невзгоды, свалившиеся на их головы, но икра это икра!

– Наверняка удастся, – сказал он, намазывая икру на поджаренный ломтик хлеба. – Ведь вся наша жизнь началась с чуда. А сколько их еще потом было! И все благодаря тебе. Так почему бы не сотворить еще одно? На этот раз для себя.

– Это было бы поистине волшебством!..

– Наверняка будет, – успокоил он ее, Эндрю закрыл глаза. От шампанского и ощущения высоты его потянуло в дремоту. И, засыпая, он вспомнил их первое чудо. Как давно это было!

Часть первая

1957–1963

– Джон, ваша жена умирает, – еле слышно произнес доктор Джордан. – Остались считанные часы. – Глядя на бледное, искаженное отчаянием лицо тщедушного молодого человека в рабочей спецовке, стоявшего перед ним, он добавил:

– Мне бы так хотелось сообщить вам нечто другое. Но, вероятно, лучше смотреть правде в глаза.

Происходило это в больнице “Сент-Беде”, в Морристауне, штат Нью-Джерси. Наступившее молчание едва нарушали звуки, проникавшие с улицы, звуки вечера, опускавшегося на маленький городок.

В полумраке больничной палаты Эндрю заметил, как конвульсивно передернулся кадык на горле мужа его пациентки, прежде чем тот сумел что-нибудь выговорить.

– Я просто не могу в это поверить. Ведь мы только начинаем жить. Все только начинается. Знаете, у нас ведь ребенок родился.

– Знаю.

– Как это все...

– Несправедливо?

Молодой человек кивнул головой. Хороший, порядочный парень этот Джон Роуэ. Сразу видно, что работяга. Всего двадцать пять лет, лишь на четыре года меньше, чем самому Джордану. – Эндрю так хотелось найти слова утешения, хоть как-то смягчить удар. И хотя ему достаточно часто приходилось встречаться со смертью и он был обучен распознавать признаки ее приближения, он по-прежнему терялся, когда приходилось сообщать страшную весть близким или друзьям умирающего. Да и как, собственно, следует вести себя врачу? Без обиняков выкладывать жестокую правду или, может быть, существуют другие, более гуманные способы? Этому не учат ни в медицинском колледже, ни потом – на практической работе.

– Вирусные заболевания вообще вещь несправедливая, – сказал Эндрю, – хотя, как правило, они не ведут себя так, как в случае с Мери. Обычно они поддаются лечению.

– Но неужели нет никаких средств? Никакого лекарства?.. Эндрю отрицательно покачал головой. Какой смысл углубляться в детали, да и разве легче станет от такого ответа: пока еще нет! До сих пор нет препарата, способного вывести больного из тяжелого коматозного состояния, вызванного острым инфекционным гепатитом. Да и что изменится, если он перескажет свой утренний разговор со старшим коллегой, доктором Ноа Таунсендом, главным врачом клиники? Час тому назад Таунсенд сказал ему:

– Сделано все, что было в ваших силах. Я бы проводил лечение точно так же.

Именно тогда Эндрю послал записку на фабрику в расположенном неподалеку городке Бунтоне, где работал Джон Роуэ.

Будь оно все проклято!

Тем временем на улице стемнело. Дождь лил вовсю, и временами доносились раскаты грома. Паршивая ночь. Последняя в жизни этой молодой матери и жены, которая всего неделю назад была полна здоровья и жизненных сил.

Все это было в пятницу. А в прошлый понедельник Мери Роуэ, женщина хрупкая и миловидная, несмотря на явные признаки болезни, появилась в кабинете Эндрю. Она жаловалась на общую слабость, недомогание, на полное отсутствие аппетита. Температура у нее в тот день была 100,5 по Фаренгейту.

Эндрю проверил белки глаз Мери Роуэ. Они были желты. Желтые пятна проступали и на теле. Он прощупал печень, которая была увеличена и явно воспалена. Из краткого опроса Эндрю узнал, что в прошлом месяце Мери вместе с мужем провела короткий отпуск в Мексике. Да, они останавливались в уединенном дешевом отеле. Питались там же и пили местную воду.

– Я вас немедленно кладу в стационар, – сказал Эндрю. – Надо взять анализ крови, но я и так абсолютно уверен, что у вас инфекционный гепатит. Лечение консервативное – внутривенные вливания. Полное выздоровление у девяноста пяти процентов больных, – добавил Эндрю, – наступает через три-четыре месяца.

Что касается Мери, она сможет выписаться из больницы и отправиться домой буквально через несколько дней.

– А какова участь остальных пяти процентов? – спросила Мери с болезненной улыбкой.

– Да бросьте вы! – рассмеявшись, ответил ей Эндрю. – Эта статистика не для вас.

Вот тут-то он и ошибся.

Состояние Мери Роуз не только не улучшилось, но, напротив, резко ухудшилось. Уровень билирубина в крови становился все выше, что указывало на стремительное развитие болезни. Впрочем, это было и так очевидно по темно-желтому оттенку ее кожи. К среде положение стало совсем тревожным. Анализы показывали опасный уровень содержания аммиака в крови. Быстро разрушающаяся печень не могла справляться с ним.

Весь четверг Эндрю испытывал нарастающее чувство горечи из-за собственного бессилия. В перерывах между приемами больных у себя в кабинете он продолжал ломать голову над этой проблемой, но так ничего и не придумал. Выздоровлению Мери, понимал Эндрю, препятствовал все нарастающий уровень аммиака в крови. Как же избавиться от него? Он знал, что эффективного способа для этого не существует.

В конце концов – и, как он теперь понимал, совершенно несправедливо – он вылил свое раздражение на девушку – агента по рекламе лекарств этой чертовой фармацевтической компании. Она появилась у него в кабинете в конце рабочего дня. Представилась коммивояжером. Или, может быть, правильнее сказать, коммивояжеркой? А впрочем, какая разница? Он не запомнил ни имени ее, ни наружности, разве что она была в очках и еще совсем юная, почти ребенок. Наверняка ни черта в своем деле не соображает!

Девушка представляла фармацевтическую компанию “Фелдинг-Рот”. Уже потом Эндрю не мог понять, почему он вообще согласился принять ее, когда секретарша сообщила ему, что его ждут в приемной. Почему он разрешил впустить ее в кабинет. Видимо, рассчитывал, что удастся узнать что-нибудь новое. Однако, когда она начала рассказывать о новом антибиотике, только что выпущенном ее компанией в продажу, Эндрю углубился в свои мысли, из которых его вырвали слова девушки: “Доктор, вы совсем меня не слушаете”.

Вот тут-то он и взорвался:

– А вы не подозреваете, что есть более серьезные вещи, о которых приходится думать? А вы тут сидите и отнимаете у меня попусту время.

Это была явная грубость, вовсе ему не свойственная. Но к его глубокой подавленности, вызванной состоянием Мери Роуз, присовокупилась давняя неприязнь ко всем этим фармацевтическим компаниям с их откровенным

торгашеством. Споры нет, действительно существуют хорошие лекарства, производимые крупными фирмами, но их настырные методы (в том числе подарки врачам) всегда казались Эндрю непристойными. Впервые он с этим столкнулся еще в медицинском колледже. Там шла настоящая охота за студентами. Стоило представителям фармацевтических компаний узнать, что кто-то собирается стать провизором, как его тут же начинали всячески обрабатывать. Агенты компаний щедро раздаривали подарки, в том числе стетоскопы и лекарственные наборы, и кое-кто из студентов с радостью их принимал. Эндрю к их числу не принадлежал. И хотя у него было трудно с деньгами, он предпочитал оставаться независимым и обходиться собственными средствами.

– Доктор, а из-за чего, собственно, вы так взрываетесь? Какая проблема на вас навалилась? – отреагировала на его вспышку представительница “Фелдинг-Рот”.

И тогда он выложил ей все. Рассказал о Мери Роуэ, о критическом положении в результате интоксикации аммиаком и в довершение язвительно добавил свое пожелание, чтобы компании, подобные “Фелдинг-Рот”, взялись за разработку препарата, способного справиться с этим явлением, а не совались с якобы “новыми” антибиотиками, в действительности ничем не лучше тех, что уже заполняют рынок...

Тут ему стало стыдно за свою вспышку, и он хотел было извиниться, но не успел. Собрав свои образцы и бумаги, девушка уже была в дверях.

– Всего хорошего, доктор, – бросила она на пороге. Все это было вчера. А сегодня Эндрю так и не приблизился к разгадке стоящей перед ним задачи: как спасти жизнь Мери Роуэ? Утром позвонила старшая медсестра по этажу, миссис Ладлоу:

– Доктор Джордан, меня беспокоит ваша больная Роуэ. Она на грани коматозного состояния. Рефлексы отсутствуют.

Эндрю помчался в больницу. Рядом с Мери Роуэ, впавшей в глубокое беспамятство, находился дежурный врач. Эндрю понимал, что никаких радикальных мер предпринять невозможно. Продолжать внутривенное вливание – вот и все, что им оставалось делать. Да разве еще надеяться на лучшее.

Теперь, когда день приближался к концу, стало ясно, что надеяться не на что. Состояние Мери Роуэ не оставляло никаких шансов.

– Доктор, но хотя бы в сознание она придет? – сквозь слезы спросил Джон Роуэ. – Узнает она меня?

– Извините, Джон. Боюсь, что это маловероятно, – ответил ему Эндрю.

– Все равно. Я останусь с ней.

– Конечно, конечно. Сестры будут поблизости, и я дам указания дежурному врачу.

– Спасибо, доктор.

Эндрю ушел, но его не покидала мысль: а за что, собственно, спасибо? Ему ужасно захотелось выпить хоть глоток кофе, и он направился туда, где его можно было раздобыть.

Ординаторская представляла собой крошечный закуток. Обстановку составляли несколько стульев, журнальный столик, телевизор, рабочий стол и шкафчики дежурных врачей. Но здесь можно было уединиться и в любое время суток работала кофеварка. Когда Эндрю вошел в комнату, она была пуста.

Он налил себе кофе и опустился в старое, продавленное кресло. Собственно, он мог и не оставаться в больнице. Но не манила и его холостяцкая квартира.

Кофе обжигал рот. Отставив чашку, чтобы дать ему немного остыть, Эндрю обратил внимание на газету “Ньюарк стар-леджер”. Крупными буквами на первой странице было набрано странное слово “СПУТНИК”. Речь шла об околоземном спутнике, хотя поди-ка пойми, что это такое, который русские недавно запустили в открытый космос. Все это преподносилось как “заря нового космического века”. В статье говорилось, что президент Эйзенхауэр, вероятно, распорядится ускорить космическую программу, а ученые США “шокированы и унижены” превосходством русских в технике. Хотелось бы надеяться, подумал Эндрю, что этот шок подтолкнет и прогресс в медицине. Невзирая на значительные достижения за двенадцать лет после второй мировой войны, в

ряде областей медицина оставалась удручающе отсталой. По-прежнему существовало великое множество нерешенных вопросов, на которые так и не было найдено ответов.

– Прошу прощения, доктор, – раздался женский голос. Эндрю обернулся.

– Доктор Джордан, я сначала зашла к вам в кабинет, но вас там не оказалось, и я решила пройтись по другим помещениям.

Проклятие! Все та же агентша из “Фелдинг-Рот”, которая приходила к нему накануне. С плаща ее стекала вода, каштановые волосы тоже вымокли, очки запотели. Ну и нахальство же – взять и впереться сюда!

– Вам, видимо, неизвестно, – сказал Эндрю, – что посторонним здесь не место. И, кроме того, я вообще не...

– Не принимаете коммивояжеров в больнице, – подхватила девушка. – Да, мне это известно. И, однако, я решила, что на сей раз дело слишком серьезно.

В считанные секунды она поставила на пол свой чемоданчик, сняла и протерла очки и начала стаскивать плащ.

– Ужасная погода. Я промокла до нитки, пока бежала от стоянки.

– Seriously? Что вы имеете в виду? Девушка-коммивояжер – на вид ей было года двадцать четыре – бросила плащ на стул.

– Я имею в виду аммиак, доктор, – медленно и отчетливо проговорила она. – Вчера вы мне рассказали о больной гепатитом, умирающей от отравления аммиаком. И еще вы высказали пожелание...

– Мне не надо напоминать, что я вам сказал. Спокойным взглядом серо-зеленых глаз девушка-агент посмотрела на Эндрю. И он почувствовал сильный характер. Хорошенькой ее не назовешь, подумал про себя Эндрю, но лицо с высокими скулами было миловидным. А если высушить и причесать волосы, то будет вполне недурна собой. И фигура без плаща совсем неплохая.

– В этом я не сомневаюсь, доктор. И вообще я уверена, что ваша память лучше ваших манер.

Эндрю попытался было ответить, но она прервала его нетерпеливым жестом:

– Вчера я не сказала вам, вернее, не могла сказать, что моя компания – “Фелдинг-Рот” – уже четыре года занимается разработкой препарата, понижающего уровень аммиака, поднявшийся в результате инфекционного поражения кишечника. Это лекарство может оказаться полезным в критической ситуации, как в случае с вашей больной. Мне было известно об этих разработках, но я не знала, как далеко удалось продвинуться нашим фармакологам.

– Приятно слышать, что хоть кто-то этим занимается, – ответил Эндрю. – Но я по-прежнему не понимаю...

– Все поймете, если выслушаете меня до конца. – Девушка откинула назад пряди мокрых волос, упавших на лицо. – Лекарство, которое удалось создать – оно называется лотромицин, – было с успехом испытано на животных. В настоящее время оно готово для испытания на человеческом организме. Мне удалось достать несколько упаковок лотромицина. Я захватила их с собой.

– Если я правильно вас понял, мисс... – Эндрю не мог вспомнить имя девушки и в первый раз почувствовал себя неловко.

– А я и не рассчитывала, что вы запомните, как меня зовут, – нетерпеливо сказала девушка и добавила:

– Селия Дегрей.

– И вы, мисс Дегрей, предлагаете, чтобы я дал своей больной неиспытанное, экспериментальное лекарство, апробированное лишь на животных?

– Но ведь у каждого лекарства должен быть свой первый пациент.

– Вы уж извините, – ответил Эндрю, – но я предпочитаю воздерживаться от подобных пионерских опытов.

Девушка скептически прищурилась. Голос ее стал тверже:

– Даже если ваш пациент умирает и все прочие средства исчерпаны? Кстати, как состояние вашей больной, доктор? Той самой, о которой вы мне рассказывали.

– Хуже, чем вчера, – ответил Эндрю и, чуть помедлив, добавил:

– Она в коматозном состоянии.

– Так, значит, она умирает?

– Послушайте, мисс Дегрей, – сказал Эндрю, – я вижу, что намерения у вас самые добрые, и приношу извинения за то, что так вас встретил. Но, увы, время упущено. Слишком поздно, чтобы начинать лечение с помощью экспериментального лекарства, даже при всем моем желании. А кстати, вы хоть немного представляете себе все те процедуры, протоколы и прочие формальности, которые нам в этом случае предстоит пройти?

– Да, – ответила девушка. Взгляд ее сверкающих глаз словно пронизывал Эндрю, и он внезапно почувствовал, что эта решительная, пылкая девочка-женщина начинает ему нравиться. А она тем временем продолжала:

– Да, я отлично знаю, какие именно процедуры и формальности необходимо пройти. Если по правде, то со вчерашнего дня, когда я ушла от вас, я фактически ничем другим и не занималась, кроме как этими вопросами. Вот так-то. И еще выламывала руки нашему директору по научным исследованиям, чтобы выбить из него необходимое количество лотромицина. Ведь лекарство пока существует в ничтожном количестве. Но я-таки его достала – всего три часа назад в наших лабораториях в Камдене. И вот гнала сюда по этой непогоде через весь штат без остановки.

– Я вам так благодарен, – только и успел проговорить Эндрю, но девушка нетерпеливо тряхнула головой.

– Доктор Джордан, это еще не все. Необходимые формальности выполнены полностью. Для использования лекарства вам нужно лишь получить разрешение у руководства клиники и согласие родственников больной. Вот и все, что от вас

требуется.

Эндрю уставился на девушку во все глаза.

– Черт бы меня побрал! – только и мог вымолвить он.

– Мы попусту теряем время, – сказала Селия Дегрей. Она раскрыла свой чемоданчик и начала доставать документы. – Начните, пожалуйста, с этого. Здесь описание свойств препарата, подготовленное для вас научно-исследовательским отделом компании “Фелдинг-Рот”. А это письмо от нашего медицинского директора. В нем инструкции относительно способов применения.

Эндрю взял оба документа. Число бумаг ими явно не ограничивалось. Он начал читать, и окружающий мир перестал для него существовать. Так пролетели почти два часа.

– А что, собственно, мы теряем? Ведь ваша больная, Эндрю, на краю смерти. – Голос в телефонной трубке принадлежал Ноа Таунсенду.

Эндрю удалось разыскать главврача в гостях, на званом обеде. Он рассказал ему о предложении воспользоваться экспериментальным лекарством – лотромицином.

– Говорите, муж уже дал согласие? – последовал очередной вопрос Таунсенда.

– Да, в письменной форме. Я поймал заведующего клиникой дома. Он вернулся в больницу и дал указание отпечатать соответствующую форму. В данный момент она уже готова и заверена.

Перед тем как этот документ был подписан, Эндрю переговорил с Джоном Роуэ. Разговор состоялся в коридоре, у дверей палаты, где лежала Мери. Джон согласился не задумываясь, и Эндрю пришлось предупредить его, что не следует так уж рассчитывать на успех. Подпись на документе была неразборчива – у Джона дрожала рука. Но подпись стояла где положено, и теперь все юридические формальности были соблюдены.

– Заведующий клиникой удовлетворен тем, как оформлены все остальные документы, присланные “Фелдинг-Рот”, – сообщил Эндрю доктору Таунсенду. – Все намного проще, поскольку лекарство не пересекло границу штата.

– Только не забудьте занести все это в карточку больной.

– Я уже все сделал.

– Значит, вам осталось получить лишь мое согласие?

– Да. И тогда мы можем начинать.

– Начинайте, – сказал доктор Таунсенд. – Хотя, Эндрю, особых надежд я не испытываю. Думаю, что с вашей больной все зашло слишком далеко, но, как говорится, попытка не пытка. А теперь, вы уж извините, меня ждет роскошное жаркое из фазана.

Эндрю опустил трубку телефона, стоявшего на столике дежурной медсестры.

– Все готово? – спросил он.

Пожилая медсестра, старшая по ночной смене, уже положила на поднос все необходимое для инъекции. Открыв холодильник, она достала прозрачную стеклянную баночку с препаратом, которую привезла девушка-коммивояжер из компании “Фелдинг-Рот”.

– Да, все готово.

– В таком случае приступим.

Когда они вошли в палату, у постели Мери Роуэ находился все тот же дежурный врач, что и утром, – доктор Овертон. Сзади притулился Джон Роуэ.

Дежурный – это был врач по наружным заболеваниям, парень мощного телосложения, уроженец Техаса – в ответ на краткие объяснения Эндрю по поводу лотромицина пробурчал:

– На чудо, значит, надеетесь?

– Нет, – коротко отрезал Эндрю и, повернувшись к мужу больной, сказал:

– Джон, я еще раз хочу вам сказать, что никаких, подчеркиваю, никаких гарантий быть не может. Просто при создавшемся положении...

– Я понимаю, – с трудом выдавил Джон. Горло его стиснуло волнение.

Сестра подготовила Мери Роуз к уколу. Больная так и не приходила в сознание.

– Инъекции, – объяснил дежурному врачу Эндрю, – должны вводиться внутримышечно, в ягодицу. В инструкции компании сказано, что дозу следует повторять каждые четыре часа. Я оставил письменное распоряжение, но мне бы хотелось...

– Я остаюсь здесь, шеф. Все будет о'кей – интервал четыре часа, – ответил дежурный и добавил, понизив голос:

– Слушайте, а может, поспорим? Готов биться об заклад, что...

Взгляд Эндрю заставил его запнуться. За время годичной практики техасец зарекомендовал себя отличным специалистом, но начисто лишенным чувства сострадания.

После укола сестра проверила пульс и измерила давление больной.

– Доктор, реакции не наблюдается, – сообщила она. – Жизненные функции без изменений.

Эндрю кивнул. В какое-то мгновение он почувствовал облегчение. На быстрый эффект он и не рассчитывал, а вот с негативной реакцией приходилось считаться, тем более что лекарство совсем неапробированное. И все же он по-прежнему сомневался, что Мери протянет до утра.

– Позвоните мне домой, если ей станет хуже, – распорядился он дежурному и, прежде чем выйти из палаты, тихо сказал:

– Спокойной ночи, Джон.

Лишь вернувшись домой, Эндрю вспомнил, что так и не поговорил с девушкой из “Фелдинг-Рот” после того, как оставил ее в ординаторской. На этот раз он вспомнил ее фамилию – Дегрей. А зовут? Сэнди? Нет, Селия. Он собрался было позвонить, но потом решил, что она, наверное, и так уже все знает.

“Поговорю с ней завтра”, – решил Эндрю.

По утрам в субботу Эндрю, как правило, принимал больных в своем кабинете. Затем, примерно в полдень, шел в больницу. Но сегодня он изменил устоявшийся распорядок и был в госпитале уже в девять часов утра.

Ураган и ливень, бушевавшие всю ночь, сменились ясным свежим утром. Было холодно, но солнечно.

Эндрю поднимался по ступенькам больницы, как вдруг дверь главного входа резко распахнулась и навстречу ему вылетел дежурный врач Овертон. Техасец казался возбужденным. Волосы его были всклокочены, словно, позабыв обо всем, он только что вскочил с кровати. Задышавшись, он схватил Эндрю за рукав.

– Пробовал дозвониться. Но вы уже ушли. Ваша секретарша сказала, что вы уже в пути. Просто не мог не перехватить вас первым.

– Что происходит? – Эндрю высвободил руку.

– Не обращайтесь внимания, – глотнув воздуха, ответил дежурный. – Скорее идите за мной.

Эндрю поспешил за Овертоном, мчавшимся по коридору по направлению к лифту. Пока они поднимались на четвертый этаж, техасец словно воды в рот набрал и упорно избегал взгляда Эндрю. Как только лифт остановился, он пулей выскочил из двери. Эндрю устремился следом.

Остановились они лишь у двери в палату, где ночью Эндрю оставил умирающую Мери, ее мужа, сестру и самого Овертона.

– Ну, входите! – Терпение Овертона иссякло. – Да скорее же!

Эндрю вошел в палату. И замер на месте. Глаза его широко раскрылись.

– Зря вы со мной не поспорили, доктор Джордан, – раздался из-за плеча голос дежурного врача. – Ни за что бы не поверил, не будь я сам тому свидетель.

– Мне и самому трудно в это поверить, – тихо ответил Эндрю. С кровати, слегка приподнявшись, ему улыбалась Мери Роуэ. Она была в полном сознании и даже надела синюю кружевную ночную рубашку. И хотя улыбка была слабой, да и чувствовала себя Мери явно неважно, это было таким контрастом по сравнению с ее критическим состоянием ночью, что казалось настоящим чудом. В руках у Мери была пластмассовая чашка: она пила воду. Желтоватый оттенок кожи, еще такой темный вчера, сегодня был значительно светлее. Как только Эндрю вошел в палату, муж Мери вскочил на ноги. Руки его протянулись к Эндрю, на лице сияла широкая улыбка.

– Как я вам благодарен, доктор! Огромное спасибо! – И когда Эндрю пожимал ему руку, кадык на горле у Джона Роуэ, как и раньше, запрыгал вверх-вниз.

– Благослови вас Бог, доктор, – тихо, с молитвенной страстью добавила со своей койки Мери.

Теперь наступила очередь дежурного врача-практиканта.

Овертон тискал руку Эндрю, приговаривая: “Поздравляю, поздравляю!” И при этом, что было вовсе не типично для него, добавил “сэр”.

Эндрю был искренне поражен, увидев, как на глаза грубоватого техасца навернулись слезы.

Тут в палату влетела миссис Ладлоу – старшая медсестра по этажу. Обычно сдержанно-деловитая, сейчас она словно излучала сияние.

– Вся больница уже знает, доктор Джордан. Все только о вас и говорят.

– Да постойте же, – сказал Эндрю. – Все дело в новом лекарстве, лотромицине. Мне его привезли. И я тут...

– Для всех нас, – ответила медсестра, – вы герой. Будь я на вашем месте, отказываться бы не стала.

– Я велел провести анализ крови, – сообщил Эндрю практикант. – Результат показал, что уровень аммиака почти нормализовался. И билирубин не поднимается, так что дальнейшее лечение проблем не составит, – “Просто невероятно!” – добавил Овертон, на этот раз про себя.

– Я рад за вас, Мери, – сказал Эндрю, и тут его осенило:

– Кто-нибудь видел эту девушку – агента из “Фелдинг-Рот”? Мисс Дегрей?

– Она была здесь чуть раньше, – ответила медсестра Ладлоу. – Может быть, пошла в перевязочную.

– Извините, – сказал Эндрю и вышел в коридор. Селия Дегрей ждала его там. Она успела переодеться после вчерашней ночи. На лице девушки играла мягкая улыбка.

Пока они рассматривали друг друга, Эндрю почувствовал возникшую между ними неловкость.

– Вам куда больше к лицу сухие волосы, – сказал Эндрю.

– Да и вы не такой злой и колючий, как вчера.

Наступила пауза.

– Вы уже слышали? – наконец прервал молчание Эндрю.

– Да.

– Они все, – Эндрю кивнул в сторону палаты Мери, – благодарили меня. Но благодарить-то мы должны вас.

– Лечащий врач – вы, – с улыбкой ответила девушка. И тут словно стена между ними рухнула: они и смеялись, и плакали одновременно. А в следующую секунду, к своему великому удивлению, Эндрю заключил ее в объятия и расцеловал...

Месяц спустя, в присутствии нескольких близких друзей и родственников, доктор Эндрю Джордан и Селия Дегрей поженились. Свадьба была скромной.

На борту самолета “Пан-Америкэн”, следовавшего рейсом 206 в Нью-Йорк, были свежие номера газеты “Нью-Йорк таймс”.

– Вроде бы, пока мы были в свадебном путешествии, ничего особенно в мире не произошло, – заметила Селия, перелистывая страницы газеты.

Эндрю тоже взял газету, но вскоре отложил ее.

Им предстояло лететь четыре часа. Вскоре после того как их самолет – винтовая машина ДС—76 – взлетел, им подали обед. Покончив с едой, Эндрю напомнил жене:

– Ты говорила, что хотела меня о чем-то спросить. Кажется, это касалось торговых агентов фармацевтических компаний.

– Да, хотела. – Селия Джордан поудобнее расположилась в кресле и взяла Эндрю за руку. – Но для начала давай вернемся к разговору, состоявшемуся между нами в тот день, когда твоя больная поправилась благодаря лотромицину. Ты мне тогда сказал, что готов изменить свое отношение к фармацевтическим компаниям в лучшую сторону, а я еще заметила, что не следует особенно с этим торопиться. Что в нашем деле есть много такого, что я надеюсь изменить. Помнишь?

– Разве такое забудешь? – со смехом ответил Эндрю. – Мельчайшие подробности того дня навсегда запечатлелись в моей памяти.

– Отлично! А теперь позволь мне кое-что дополнить. Бросив взгляд на жену, Эндрю в который уже раз залюбовался ею – сколько интеллекта и энергии сосредоточено в этом хрупком, изящном существе! И еще он подумал: в предстоящей жизни ему придется постоянно тренировать память и быть в курсе всех событий, чтобы как-то быть на ее уровне. Сосредоточившись, он стал слушать Селию.

– В 1957 году, – начала свой рассказ Селия, – фармацевтическая промышленность по-прежнему находилась на крайне низком уровне, почти в таком же состоянии, как в дни своего зарождения.

А все началось, причем действительно не так давно, с продажи змеиного яда на сельских ярмарках, с чудодейственных снадобий плодородия и таблеток “против всех болезней” – от мигрени и до рака. Торговцы, предлагавшие весь этот товар, не вникали в суть того, что они продавали и рекламировали. У них была одна цель – прибыль. И ради нее они готовы были наобещать вам что угодно.

– Зачастую, – продолжала рассказывать Селия, – подобные патентованные снадобья и народные средства изготавливались и продавались членами одной семьи. Выходцами из таких семей были и владельцы первых аптек. Шли годы, а их потомки продолжали семейную традицию. Они создавали фирмы по выпуску лекарств, которые со временем превращались в крупные, солидные компании, использовавшие достижения науки. И конечно же, грубые приемы торговли постепенно уступили место более респектабельным методам. Но порой все-таки недостаточно респектабельным. И одной из причин этого было то, что семейный контроль сохранялся и вместе с ним сохранялась и вошедшая в плоть и кровь традиция рыночной торговли и зазывал с их змеиным ядом.

– Но ведь теперь-то, – заметил Эндрю, – семьи, которые контролируют крупные фармацевтические компании, можно пересчитать по пальцам.

– Их не много, но члены некоторых таких семей-основателей контролируют крупные пакеты акций. А вот что действительно сохранилось, хотя компаниями и управляют платные менеджеры, – это устаревшие методы торговли, никак не отвечающие этическим требованиям сегодняшнего дня. И проявляются они в основном в поведении отдельных коммивояжеров, рекламных агентов. Как ты знаешь, – продолжала свой рассказ Селия, – некоторые такие агенты готовы на все, вплоть до откровенного вранья, лишь бы уговорить врачей выписывать лекарства, которые они для своей фирмы рекламируют. И хотя

фармацевтические компании официально отрекаются от подобной практики, их руководству известно, что она продолжается.

– Действительно, – подхватил Эндрю, – ведь существует еще проблема рекламы, которой фармацевтические компании сопровождают выпуск своей продукции. Она буквально потоком низвергается на головы врачей, но при этом в ней не содержится того, что им знать необходимо: точных сведений о побочных эффектах лекарств, включая опасные последствия. Все дело в том, что, когда ты по горло занят, когда тебя ждут больные и голова полна тысячью разных проблем, трудно поверить, что какой-то коммивояжер, а может быть, и сама компания преднамеренно вводят тебя в заблуждение.

– И тем не менее это случается, – сказала Селия. – А потом об этом помалкивают, словно ничего не произошло. Уж я-то знаю, поскольку сама пыталась поднять этот вопрос у нас в “Фелдинг-Рот”.

– Так в чем же заключается твой план?

– Прежде всего – составить статистическую сводку. Такую, чтобы никто не мог спорить против фактов. А потом, в нужное время, я ее пущу в ход. – Селия продолжала развивать свою мысль:

– Эндрю, я больше не приду к тебе с рекламой новых лекарств: придет какой-нибудь другой агент, которому будет поручено уговаривать тебя и доктора Таунсенда. Такова политика компании “Фелдинг-Рот”. Но каждый раз, когда к тебе заявится агент по рекламе, будь то мужчина или женщина – из нашей компании или какой-нибудь другой, – и ты почувствуешь, что тебя вводят в заблуждение, не дают сведений о побочных эффектах или других необходимых данных, я прошу тебя – составь соответствующую записку для меня. Среди моих клиентов есть врачи, оказывающие мне такую услугу, в Небраске, да и в самом Нью-Джерси. Эти люди верят мне, а моя папка день ото дня становится толще.

– Ты начинаешь серьезную игру. – Эндрю тихонько присвистнул. – И притом весьма рискованную.

– Кто-то должен рисковать, если это идет на пользу дела. И кроме того, я не боюсь.

– В этом я не сомневаюсь, – сказал Эндрю. – Думаю, ты и дальше будешь так поступать.

– Вот что я тебе скажу, Эндрю. Если крупные компании сами не наведут порядок в собственном доме, и причем в ближайшее время, думаю, что это за них сделает правительство. Из конгресса уже доносится ропот, и если в отрасли доведут дело до слушаний в конгрессе, в результате чего будет принято новое законодательство жесткого, ограничительного порядка, они сами пожалеют, что не предприняли первыми соответствующие меры.

Эндрю сидел молча. Он пытался осмыслить то, что только что услышал. В его голове роились и другие мысли. После продолжительной паузы он сказал:

– Селия, я тебя не спрашивал об этом раньше, но, видимо, настал подходящий момент, чтобы выяснить кое-что касающееся непосредственно тебя.

Выражение глаз Селии стало серьезным. Тщательно подбирая слова, Эндрю сказал:

– Ты говорила, что собираешься сделать карьеру. Тут у меня нет никаких возражений. К тому же я уверен: только так ты сможешь быть счастливой. Но за те последние недели, что мы провели вместе, у меня сложилось впечатление, что ты думаешь не просто о своей карьере... Так что вперед, Селия! И пока ты будешь пробиваться к вершине – я верю, тебе это по силам, – я буду постоянно рядом с тобой.

Селия наклонилась и поцеловала его.

– Я в этом никогда не сомневалась. Это тоже одна из причин, почему я вышла за тебя замуж.

Они почувствовали, как двигатели уменьшили обороты. Одновременно зажглась табличка “Пристегните ремни безопасности”. За иллюминаторами по левому борту появились мерцающие в ранних сумерках огни Манхэттена.

– Через несколько минут, – объявила стюардесса, – мы совершим посадку в международном аэропорту Айдлуайлд. И снова Селия взяла Эндрю за руку:

– Мы вместе будем строить нашу жизнь. И своего добьемся!

Приступив к работе, и Селия, и Эндрю обнаружили, что каждый из них оказался в центре общественного внимания.

Как случилось со многими крупными достижениями в области медицины, потребовалось время, чтобы распространился слух об удачном применении лотромицина. Но теперь, когда прошло шесть недель после выздоровления Мери Роуз, сообщения об этом стали появляться на страницах крупных американских газет.

Первой откликнулась местная, морристаунская, “Дейли рекорд”, поместившая статью под заголовком:

ГОРОДСКОЙ ВРАЧ ПРИМЕНЯЕТ ЧУДО-ЛЕКАРСТВО.

ВОЛШЕБНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ БОЛЬНОЙ.

Окружная газета “Ньюарк стар-леджер”, материалы которой основывались на информации местных газет, напечатала аналогичное сообщение, что, в свою очередь, привлекло внимание журналистов, освещающих новости науки на страницах “Нью-Йорк таймс” и журнала “Тайм”. Вернувшись домой, Эндрю обнаружил записки с просьбой срочно связаться с обоими издательствами, что он и сделал. Поток публикаций стал еще шире после того, как “Тайм” упомянул о браке Эндрю и Селии.

Одновременно из “Медицинского журнала” Новой Англии Эндрю сообщили, что его статья об использовании лотромицина будет напечатана с небольшими изменениями. Предложенные поправки были незначительными, и Эндрю тут же дал свое согласие на публикацию.

– Должен признаться, я просто сгораю от зависти, – заметил доктор Ноа Таунсенд, когда Эндрю рассказал ему о “Медицинском журнале”. – Но я утешаю себя тем, что в лучах славы уже греется вся наша клиника, – добавил старший коллега Эндрю.

Немного спустя жена Таунсенда Хилда, женщина, не утратившая привлекательности, хотя ей и было уже за сорок, призналась Эндрю:

– Ноа этого не скажет, но он вами так гордится: вы для него стали словно сын родной, сын, которого у нас нет, но которого мы так хотели иметь.

Что касается Селии, то, несмотря на менее бурный поток восхвалений в ее адрес, она обнаружила изменение в своем положении в компании “Фелдинг-Рот”, причем изменение весьма существенное...

В самой компании ее имя теперь было хорошо известно высшему управленческому составу, включая президента “Фелдинг-Рот” Эли Кэмпердауна. Он пригласил к себе Селию на следующий день после ее возвращения на работу.

Эли Кэмпердаун, долговязый, бледнолицый ветеран фарм-бизнеса – ему было лет шестьдесят пять, – всегда безупречно элегантный, с неизменной красной розой в петлице, принял Селию в своем пышно обставленном служебном кабинете в штаб-квартире компании “Фелдинг-Рот” в Бунтоне на одиннадцатом этаже. Здесь находилось царство руководства. Встреча началась с изъяснения любезностей.

– Поздравляю вас со вступлением в брак, миссис Джордан. Надеюсь, он будет счастливым. – Улыбнувшись, президент компании добавил:

– Я также позволю себе выразить надежду, что отныне и впредь ваш муж будет прописывать своим больным препараты только нашей компании.

Селия поблагодарила, но про себя решила, что замечание относительно Эндрю всерьез принимать не следует: зачем пускаться в объяснения и подчеркивать независимость ее мужа в том, что касается лекарств и медицины.

– Юная леди, вы стали прямо-таки живой легендой, – продолжал президент, – доказали, что выдающаяся женщина время от времени может ни в чем не уступать мужчине.

– Я надеюсь, сэр, – ангельским голосом парировала Селия, – что наступит день, когда вам не потребуется употреблять выражение “время от времени”...

Они продолжали беседовать. Кэмпердаун расспрашивал Селию о ее коммивояжерской деятельности. На него явно произвели впечатление ее ясные, хорошо обоснованные ответы. Затем, вынув из кармана жилета часы, президент взглянул на них и сказал:

– У меня сейчас состоится совещание, миссис Джордан. Речь пойдет о новом препарате, который мы планируем выбросить на рынок вслед за лотромицином. Может быть, вы хотите остаться и послушать?

Селия охотно согласилась, и он тут же пригласил в кабинет человек пять мужчин из числа руководства компании, ожидавших в приемной у секретаря. После обычных представлений все прошли в конференц-зал, примыкавший к кабинету, и уселись за стол. Председательское место занял Кэмпердаун.

Среди участников совещания был директор научно-исследовательского отдела доктор Винсент Лорд. Моложавого вида ученый работал в компании недавно. Здесь также присутствовал вице-президент компании по реализации продукции. Человек преклонного возраста, он заканчивал свою деятельность на этом посту. Среди оставшихся четырех был и Сэм Хауторн. Все остальные смотрели на нее с откровенным-удивлением.

– Новый препарат, о котором идет речь, – пояснил Кэмпердаун в основном для сведения Селии, – не является разработкой нашей компании. Лицензия на его производство закуплена у западногерманской фармацевтической компании “Хемие-Грюненталь”. Это снотворное – одно из наиболее безопасных среди лекарств такого рода, – продолжил президент. – Оно безопасно даже для маленьких детей. Лекарство уже поступило в продажу и завоевало популярность почти во всех крупных странах, кроме Соединенных Штатов. Можно считать, нам повезло быть первыми, кто получил право на выпуск его в США. Называется оно талидомид. Несмотря на безопасность, талидомид в Соединенных Штатах должен пройти соответствующие пробы на человеческом организме, прежде чем может быть получена виза ФДА – Управления по контролю за продуктами питания и лекарствами – на его продажу. Это требование – лишь проявление нашего глубокого бюрократизма, но с ним приходится мириться, – проворчал президент.

Затем началась дискуссия, где и как следует провести соответствующие испытания. Директор по науке доктор Лорд предложил нанять для этой цели примерно пятьдесят врачей с частной практикой. Они будут использовать этот

препарат для лечения больных, а полученные результаты компания “Фелдинг-Рот” передаст в управление.

– Это должны быть терапевты, врачи-интерны[1 - Начинающий врач или студент-медик, живущий при больнице.], психиатры и акушеры, – заявил Лорд.

– И сколько времени будет продолжаться вся эта волокита? – поинтересовался вице-президент по коммерции.

– Вероятно, месяца три.

– А в два никак не уложиться? Нам нельзя тянуть с выходом на рынок.

– Думаю, уложимся.

Один из участников совещания выразил сомнение, не чересчур ли усложнена процедура апробации. Нельзя ли ее упростить и проверить все поскорее? Провести тесты в одном месте, скажем, в какой-нибудь больнице?

Дискуссия продолжалась еще несколько минут, затем в нее вмешался Кэмпердаун.

– Может быть, наша юная леди хочет поделиться соображениями по данному вопросу? – улыбнулся президент.

– Да, хочу, – ответила Селия. Все головы разом повернулись в ее сторону. Селия тщательно взвешивала каждое слово, она понимала, что присутствует здесь вопреки установленному порядку, что ей оказана определенная честь, чрезмерная самоуверенность могла лишь повредить, выставить ее в невыгодном свете.

– Есть тут один момент, – сказала Селия, – который не может не вызывать беспокойства. Я имею в виду предложение включить в апробационный список акушеров. Ведь в таком случае препарат будут принимать беременные женщины, а беременность не лучшее время для экспериментов.

Ее раздраженно перебил доктор Лорд:

– Это не относится к данному случаю, талидомид широко используется в Европе и на других континентах. Среди потребителей лекарства были и беременные.

– Тем не менее, – спокойно заметил Сэм Хауторн, – к словам миссис Джордан стоит прислушаться.

– Возникает следующий вопрос, – продолжала Селия. – Какого рода люди наиболее подвержены бессоннице, а соответственно больше других нуждаются в снотворном? Опираясь на свой опыт коммивояжера – а мне приходилось посещать больницы, различные лечебные заведения, встречаться с врачами, – должна сказать следующее: это прежде всего пожилые люди, страдающие гериатрическими заболеваниями.

Ей удалось завладеть вниманием присутствующих. В ответ на последнее замечание несколько человек за столом согласно закивали. Но только не Лорд. Директор по науке сидел с каменным лицом.

– Итак, – продолжала Селия, – я бы предложила провести апробацию талидомида в одном-двух домах для престарелых. И если вы согласитесь с моим мнением, я могу назвать такие заведения – одно в Линкольне, штат Небраска, другое в нашем штате, неподалеку от Плейнфилда. В обоих заведениях медицинское обслуживание на хорошем уровне, сведения будут самые надежные. Я знакома с их главными врачами и буду рада встретиться с ними вновь.

Когда Селия кончила говорить, за столом воцарилось неопределенное молчание. Его нарушил Эли Кэмпердаун. Президент “Фелдинг-Рот” казался удивленным.

– Не знаю, что думают по этому поводу остальные, но, по-моему, предложение, которое только что высказала миссис Джордан, весьма разумное.

Почуввав, куда подул ветер, все остальные согласно закивали. Лишь доктор Лорд не проронил ни слова. Селия безошибочно почувствовала неприязнь, возникшую между ней и директором по науке: их отношения останутся такими и в будущем.

Вскоре было решено, что Селия завтра же созвонится со своими знакомыми в домах для престарелых, и, если они дадут свое согласие, научно-

исследовательский отдел приступит к апробации лекарства.

Как только совещание закончилось, Селия первой встала из-за стола. Ей улыбались и пожимали руку.

Примерно через неделю Селия узнала от Сэма Хауторна, что испытания действия талидомида в обоих домах для престарелых будут вскоре проведены. Казалось, на этом недавний инцидент исчерпан.

Их первенец родился, как любил повторять Эндрю своим коллегам в больнице, “согласно графику Селии”.

Все произошло в августе 1958 года, через девять месяцев и одну неделю после их свадьбы. На свет появилась здоровая девочка весом в семь с половиной фунтов. Новорожденная отличалась спокойным характером, почти не плакала. Назвали ее Лизой...

Еще во время беременности Селия приняла твердое решение относительно процедуры родов, что сразу же вызвало стычку с акушером, доктором Полом Китингом, коллегой Эндрю по больнице “Сент-Беде”. Китинг, суетливый, слегка напыщенный мужчина средних лет, однажды заявил Эндрю:

– У вашей жены прямо-таки невыносимый характер.

– Я вас понимаю, – сочувственно кивнул Эндрю, – но жизнь от этого становится только интереснее. И вот что поразительно: то, что непереносимо для других, становится возможным для Селии.

Дня за два до этого Селия сказала Китингу:

– Я изучила, как происходят роды в естественных условиях, и приступила к соответствующим упражнениям.

В ответ на снисходительную улыбку акушера она заявила:

– Я хочу играть активную роль в процессе рождения ребенка и до конца ощутить момент появления его на свет. А это значит – никаких обезболивающих средств. И никакого хирургического вмешательства.

Улыбка на лице Китинга сменилась скептической миной.

– Моя дорогая миссис Джордан, подобные решения способен принимать лишь акушер во время родов.

– Я против, – тихо, но твердо ответила Селия. – Если я с вами соглашусь, то, вероятнее всего, потеряю контроль над ситуацией в трудный для меня момент.

– Ну а если возникнут осложнения?

– Тогда совсем другое дело. Если такое случится, вам, конечно, придется применить все ваше умение и поступать сообразно обстановке. Но потом вам придется дать мне и Эндрю исчерпывающие объяснения и доказать, что на то были веские основания.

Вскоре по взаимному согласию Селия сменила акушера и стала пациенткой доктора Юниса Нэшмена. Он был старше доктора Китинга, но мыслил более прогрессивно, так что у них с Селией установилось взаимопонимание по многим вопросам.

Сразу же после появления на свет Лизы Юнис Нэшмен признался Эндрю:

– Ваша жена – замечательная женщина. Были минуты, когда ей приходилось испытывать сильную боль, и я ее спрашивал, не изменила ли она свое решение относительно анестезии.

– Ну и что же она? – поинтересовался Эндрю, который первоначально хотел присутствовать при родах, но в последнюю минуту был вынужден отправиться по срочному вызову в больницу.

– Она стояла на своем, только все просила: “Пожалуйста, пусть кто-нибудь держит меня крепче”, – рассказывал доктор Нэшмен. – Так что одна из сестер обхватила обеими руками вашу жену и утешала ее. Собственно, большего не

требовалось. А потом, когда родилась ваша дочь, мы не забрали ребенка, как это обычно бывает, а оставили девочку лежать рядом с Селией, и обе они были такими спокойными, просто прелесть.

Верная своему слову, Селия уволилась с работы на год, чтобы полностью посвятить себя Лизе. Она также использовала это время на дальнейшее устройство их дома в Конвент-Стейшн, который стал именно таким, каким она хотела его сделать.

– До чего же я люблю наше жилище, – заметил как-то сияющий от счастья Эндрю.

Все это время Селия не теряла связи с компанией “Фелдинг-Рот”. Сэм Хауторн, продвинувшийся на место помощника управляющего по коммерции на национальном уровне, обещал Селии работу, как только она сможет приступить к делам.

Это был удачный год для компании “Фелдинг-Рот инкорпорейтед”. Через несколько месяцев, вслед за широкой волной публикаций, живописующих применение доктором Эндрю Джорданом лотромицина, Управление пищевых продуктов и лекарственных средств одобрило препарат и выдало разрешение на его массовое производство. Лотромицин сразу же завоевал успех и признание во всем мире и стал одним из самых выгодных лекарств за всю историю существования компании “Фелдинг-Рот”.

Участие Селии в удачной судьбе лотромицина подействовало и на руководство компании: там благосклонно отнеслись к намерению Сэма Хауторна восстановить ее на работе.

Начавшийся 1959 год не сулил компании каких-либо особенных перемен.

Но одно событие привлекло внимание Селии: в декабре началась серия слушаний в сенаторской подкомиссии, возглавляемой сенатором Эстесом Кефвером. Этот сенатор-демократ от штата Теннесси, метивший на президентское кресло, во время предыдущих слушаний по вопросам преступности сумел привлечь к себе широкое внимание. Он был намерен добиваться того же и далее. На этот раз предметом разбирательств в сенате стала фармацевтическая промышленность.

Большинство руководителей отрасли были склонны рассматривать Кефопера как досадную помеху, но не более того. Большого ущерба от него не ожидали: отрасль располагала сильным лобби в Вашингтоне. Селия, однако, придерживалась иного мнения, но призналась в этом лишь Эндрю.

Наконец под Новый год она снова вышла на работу, на прежнее место агента по рекламе и сбыту в Нью-Джерси. Через знакомых в клинике “Сент-Беде” Селия нашла пожилую медсестру-пенсионерку, которая приходила к ним домой каждый день и присматривала за Лизой. В свойственной ей манере Селия решила устроить испытание: она отправилась с Эндрю в загородную поездку, оставив все дела на пожилую помощницу. Эксперимент прошел успешно.

Время от времени к ним приезжала мать Селии Милдред. Она с готовностью бралась помогать, радовалась знакомству с внучкой, особенно когда няня отсутствовала.

У Милдред и Эндрю сложились отличные отношения, а Селия со временем еще больше сблизилась с матерью. Одна из причин, видимо, заключалась в том, что младшая сестра Селии Дженет была далеко – в Арабских Эмиратах. Там в нефтедобывающей компании работал ее муж-геолог.

Таким образом, Селия и Эндрю вновь получили возможность с головой погрузиться каждый в свою работу.

Служебные дела Селии продвигались успешно. Однажды в феврале 1960 года, когда она из своего округа приехала в штаб-квартиру “Фелдинг-Рот” для оформления очередной сделки, ее пригласил к себе в кабинет Сэм Хауторн. Сэм сердечно приветствовал Селию – он явно был в приподнятом настроении. Судя по всему, его новая работа на посту вице-президента по коммерции на национальном уровне не особенно его изматывает, подумала Селия и решила: хороший признак. Это внушало оптимизм и в связи с ее собственными далеко идущими планами. Волосы на голове Сэма, правда, значительно поредели. Через год, к своему сорокалетию, он, наверное, совсем облысеет. Впрочем, это не особенно портит его наружность.

– Я хотел видеть вас в связи с предстоящим совещанием, посвященным нашей национальной коммерческой политике, – сказал Сэм.

Селии уже было известно, что в апреле в гостинице “Уолдорф-Астория” в Нью-Йорке состоится проводящаяся раз в два года встреча коммерческих представителей компании “Фелдинг-Рот”. В этом мероприятии, несмотря на его узкий, рабочий характер, должны были принять участие все торговые представители компании в Соединенных Штатах, а также служащие отделений “Фелдинг-Рот” за рубежом. Председательствовать на трехдневных заседаниях должны были сам президент компании, а также и другие члены руководства.

– Я рассчитываю там быть, – ответила Селия. – Надеюсь, вы не намерены сообщить мне, что во встрече участвуют одни мужчины.

– Мужчины тут вовсе ни при чем. Скажу больше: наши заправилы хотят видеть вас в числе докладчиков.

– Я согласна, – сказала Селия.

– Насчет этого я не сомневался, – сдержанно заметил Сэм. – Кстати, по поводу темы доклада я разговаривал с Эли Кэмпердауном. Так вот, и он, и другие руководители хотели бы, чтобы вы поделились своим опытом, рассказали о работе торгового агента с точки зрения женщины. Предполагаемая тема доклада звучит так: “Взгляд женщины на проблемы рекламы и сбыта в области фармацевтики”.

– Для кинорекламы тяжеловато, – ответила Селия, – но я согласна.

– Докладывать следует в непринужденной манере, можно и пошутить, – продолжал Сэм. – Только не сухость и тяжеловесность! Никаких противоречивых выводов. И еще – нужно будет уложиться в десять – пятнадцать минут.

– Понятно... – задумчиво сказала Селия.

– Если хотите, можете дать мне проект выступления. Я с ним ознакомлюсь и выскажу свои замечания.

– Постараюсь воспользоваться этим предложением, – ответила Селия, у которой уже созрели некоторые соображения по поводу предстоящего выступления. Она вовсе не собиралась делать их предметом предварительного обсуждения.

– Торговля на вашем участке идет отлично, – похвалил ее Сэм. – Так держать!

– Именно так я и намерена действовать, – ответила Селия, – вот если бы еще подбросили какие-нибудь новые лекарства... Кстати, как обстоят дела с талидомидом – кажется, так называется препарат, о котором год назад рассказывал мистер Кэмпердаун?

– Мы от него отказались. Вернули его компании “Хемие-Грюненталь”. Нам он не нужен.

– Почему?

– Согласно выводам наших научных экспертов, – пояснил Сэм, – этот препарат оказался недоброкачественным. Как снотворное он ничего не дает.

– Так, значит, с ним покончено?

– Что касается “Фелдинг-Рот”, да. Правда, я слышал, что компания “Меррелл” собирается приступить к его массовому производству. У них он будет называться кевадон. Да и чему тут удивляться, если принять во внимание успех, который талидомид завоевал в Европе, – прибавил Сэм.

– Похоже, вас это не особенно радует, – заметила Селия. – По-вашему, компания допустила ошибку?

– Возможно, – пожал плечами Сэм. – Но мы можем торговать лишь тем, что получает одобрение научно-исследовательского отдела, а этот препарат они отвергли.

На какой-то миг он замолчал, потом продолжил:

– Вот что мне еще хотелось сказать вам, Селия: кое-кто у нас критикует вас за то, что апробация талидомида ограничилась лишь небольшой группой престарелых, а не проводилась более широко, как изначально предлагал Винсент Лорд.

– Вы тоже принадлежите к числу критиков?

– Нет. Как вы помните, я тогда согласился с вами.

– Я это хорошо помню, – задумчиво ответила Селия и тут же спросила:

– Эта критика может иметь последствия?

– Для вас? Вряд ли, – успокоил ее Сэм.

Дома, по вечерам и в дни отдыха, Селия работала над докладом. Она сидела, обложившись бумагами и документами в тихом, уютном кабинете, где оба они – и Селия и Эндрю – так любили работать вместе.

Застав ее за работой в один из воскресных дней, Эндрю заметил:

– Похоже, ты что-то замышляешь, не так ли?

– Да, – призналась ему Селия, – ты прав.

– А со мной не поделишься?

– Потом, – ответила Селия. – Если я тебе расскажу все сейчас, ты постарайся меня отговорить.

Эндрю лишь улыбнулся. У него хватило такта не задавать других вопросов.

– Мне известно, что большинство из вас женаты, – сказала Селия, вглядываясь в море обращенных к ней мужских лиц, – и вы, конечно, знаете, каково иметь дело с нами, женщинами. Мы часто рассеянны, путаемся, а иной раз вообще все на свете забываем.

– Ты-то не из таких. Сразу видно: с мозгами, – донесся чей-то тихий голос из первых рядов.

Селия слегка улыбнулась, но тут же продолжала:

– Вот о чем я начисто забыла – о регламенте. Как долго мне можно говорить? Кажется, кто-то упоминал десять – пятнадцать минут. Но разве это справедливо? Разве может женщина за такое короткое время раскрыть душу перед пятьюстами мужчинами?

Раздался смех, а из задних рядов донесся чей-то голос с раскатистым акцентом жителя Среднего Запада:

– Эй, детка! Можешь пользоваться моим временем столько, сколько тебе угодно.

Тут вообще все захохотали, в зале пошел посвист и крики:

– И моим – тоже! И моим! Крошка, для тебя все, что угодно!

Нагнувшись поближе к микрофону, Селия ответила в зал:

– Спасибо. Я как раз надеялась, что кто-нибудь именно в таком духе и выскажется.

Она старалась избегать взгляда Сэма Хауторна, внимательно следившего за ней со своего места недалеко от трибуны.

Ведь именно Сэм незадолго до начала заседания предупредил Селию:

– Открытию сопутствует всеобщее оживление. Поэтому первый день, как правило, проходит в пустой болтовне. Мы стараемся поднять настроение у ребят: захватить тех, кто приехал из глубинки, дать им почувствовать свою значительность, еще раз внушить им, в какой отличной компании они работают и как мы счастливы быть с ними в одной команде. Потом, в следующие два дня, мы переходим к более серьезным делам.

– Так, значит, мой доклад лишь часть всей этой пустой трескотни? – спросила Селия, заметив, что ее выступление назначено на вторую половину первого дня заседаний.

– Конечно, а, собственно, что в этом особенного? Ты у нас единственная женщина – специалист по части коммерции. Многие ребята знают о тебе, и,

конечно же, все захотят увидеть и услышать что-нибудь новенькое.

– Я уж постараюсь их не разочаровать, – ответила Селия. Разговор этот происходил во время прогулки по Парк-авеню вскоре после завтрака в гостинице с еще несколькими представителями компании. До открытия встречи оставался час. А пока что они наслаждались теплым, солнечным апрельским утром. На Манхэттене дул свежий, легкий ветерок, весна была в разгаре – центральные газоны Парк-авеню пестрели тюльпанами и нарциссами.

А по обеим сторонам улицы шумел нескончаемый поток идущих в несколько рядов машин. Толпы спешивших на работу служащих обгоняли Селию и Сэма, неторопливо прогуливавшихся по тротуару.

Селия приехала в Нью-Йорк утром из Нью-Джерси на автомобиле. Ей предстояло провести в “Уолдорф-Астории” два дня, и она тщательно подобрала свой туалет по такому случаю. На ней был новый, сшитый у портного жакет и темно-синяя юбка, а также белая блузка с жабо. Селия знала, что выглядит элегантно, что в ее костюме удачно сочетаются деловая строгость и женственность. Она радовалась, что наконец смогла избавиться от очков. Их заменили контактные линзы, заказать которые Эндрю посоветовал ей еще во время их медового месяца.

– Ты ведь намеренно решила не показывать мне проект своей речи? – неожиданно спросил Сэм.

– Сэм, дружище, видимо, я просто забыла, – не растерялась Селия.

– Рассказывай кому-нибудь другому! – Сэм повысил голос, перекрикивая шум уличного движения. – Я-то знаю: ты никогда ничего не забываешь.

Селия собиралась было возразить, но он остановил ее жестом:

– Можешь ничего не говорить. Я хорошо знаю, чем ты отличаешься от других моих сотрудников: ты поступаешь по-своему и до сих пор почти всегда безошибочно. Но, Селия, я лишь хочу тебя предостеречь – не зарывайся. Будь поосторожнее! Не следует чересчур спешить и ставить на карту то хорошее, что уже достигнуто, пытаясь достичь еще большего. Вот, собственно, и все!

Весь остаток пути Селия молчала, погрузившись в раздумья. “А не слишком ли далеко я замахнулась со своими планами?” – подумала она.

И вот сейчас, когда встреча началась и Селия стоит на трибуне перед всей армией торговых агентов компании “Фелдинг-Рот” в зале заседаний гостиницы “Уолдорф-Астория”, ей предстоит это выяснить.

– Когда мне предложили выступить перед вами, – обратилась к залу Селия, – то посоветовали поделиться опытом работы торгового агента с точки зрения женщины, что я и намерена сделать. Но еще меня предостерегали от затрагивания серьезных, спорных вопросов. С этим, простите, я не согласна. Нам всем известно: фармацевтика – дело серьезное. Все мы являемся частью компании, производящей важную, даже жизненно важную продукцию. Поэтому мы просто обязаны быть серьезными – я, во всяком случае, исполнена такого намерения. И еще один момент: я убеждена, что все мы – работники передовой линии коммерции – должны быть откровенными, честными и, когда это необходимо, уметь критиковать друг друга.

Во время своего выступления Селия ощущала внимание не только торговых агентов. За ее речью пристально следили те, кто занимал почетные места в первых двух рядах. Здесь сидели руководители “Фелдинг-Рот” – председатель совета директоров, президент компании, вице-президент, вице-президент по коммерции и с десяток других высших служащих. Среди последних, словно маяк, светилась лысина Сэма Хауторна.

Место в середине первого ряда, как и положено президенту компании и председательствующему, занимал Эли Кэмпердаун. Рядом с ним сидел Флойд Ванхутен. Сейчас он выглядел постаревшим и сильно сдавшим, а ведь десять лет назад именно он возглавлял компанию и сумел добиться ее нынешнего положения. Теперь же функции Ванхутена в основном сводились к выполнению роли председателя на совещаниях совета директоров, однако он по-прежнему оставался влиятельной фигурой.

– Я употребила слово “критиковать”, – сказала в микрофон Селия, – и хотя кое-кому это может не понравиться, именно так я и намерена поступать. Могу объяснить почему. Я хочу внести свой вклад в нашу работу, а не заниматься пустой болтовней. Кроме того, все, о чем я буду говорить, полностью отвечает предложенной мне теме, которая отмечена в программе под названием “Проблемы рекламы и сбыта в области фармацевтики с точки зрения женщины”.

Селия почувствовала, что завладела вниманием зала. Воцарилось молчание, все приготовились слушать. Это как раз ее и волновало: удастся ли ей завладеть аудиторией? Вернувшись утром с прогулки по Парк-авеню и войдя в переполненный, шумный, прокуренный вестибюль, куда стекалась толпа торговых представителей компании, Селия впервые ощутила нервный озноб. Она со всей ясностью увидела, что съезд представителей “Фелдинг-Рот”, по крайней мере на данное время, чисто мужское мероприятие: то и дело раздавались дружеское хлопанье по спине, грубые шутки, громкий хохот. Ко всему этому примешивались обрывки банальных фраз. Селия сбилась бы со счета, решив подсчитать, сколько раз в день раздалось-“Ба! Кого я вижу!” – да так, словно это новая, только что родившаяся стихотворная строка.

– Вместе с вами, – продолжала Селия, – я принимаю близко к сердцу дела компании, в которой мы работаем, а также фармацевтической промышленности в целом. И у компании, и у отрасли было в прошлом чем гордиться – еще больше славных дел нас ждет впереди. Но есть и такое, что не может не беспокоить, что требует серьезного исправления, особенно в работе торговых агентов. Мне бы хотелось рассказать вам об этих недостатках и поделиться соображениями о путях их преодоления.

Бросив взгляд в первые два ряда, где сидели руководители компании, Селия заметила выражение растерянности на некоторых лицах: кое-кто нервно поерзывал на стуле. Было ясно одно: сказанное ею никак не соответствовало тому, что они рассчитывали услышать.

Она отвела взгляд и сосредоточила внимание на другой части зала.

– Прежде чем собраться здесь сегодня утром, все мы видели транспаранты и щиты с рекламой лотромицина. Это замечательное лекарство, одно из лучших достижений в фармакологии, и, должна сказать, я горжусь, что продаю его.

Раздались аплодисменты и радостные возгласы. Селия сделала паузу. Рекламные стенды в вестибюле рассказывали о добром десятке наиболее известных препаратов компании “Фелдинг-Рот”, но она решила остановиться на лотромицине как на самом дорогом ей лично.

– Если вы прочитаете один из проспектов с этого стенда, то узнаете, как был применен лотромицин моим мужем, практикующим врачом. Муж добился

замечательных результатов с помощью этого лекарства. Но у него был и печальный опыт как с некоторыми лекарственными препаратами, так и с коммивояжерами, снабжавшими его ложными сведениями об этих лекарствах. И его пример не исключение. Другие врачи, и таких очень много – мне это известно, как говорится, из первых рук, – имели аналогичный опыт. Именно эта сторона нашей профессии может и должна быть изменена.

Селия решительно взглянула в зал и стала особенно тщательно подбирать слова.

– Основываясь на опыте работы практикующего терапевта, мой муж говорит, что он мысленно делит приходящих к нему коммивояжеров на три категории: к первой относятся те, кто дает откровенную информацию о лекарствах, в том числе и о возможных побочных действиях; ко второй группе – те, кто не располагает всей необходимой информацией о препаратах, которые рекламируют; и последняя, третья группа – те, кто готов говорить что угодно, даже солгать, лишь бы заставить врача прописывать больным лекарства их фирмы.

Мне бы очень хотелось сказать, что первая из этих трех групп – честные и хорошо осведомленные коммивояжеры – самая многочисленная, а две остальные составляют меньшинство. Но, к сожалению, это не так. Вторая и третья группы куда более многочисленны. Отсюда – низкий качественный уровень рекламы и сбыта, что относится ко всем фармацевтическим компаниям, включая нашу.

Сидевшие в зале, заметила Селия, причем не только в первых рядах, словно оцепенели. Среди тяжелых вздохов раздался чей-то возглас:

– Послушайте, что все это значит? Но она предвидела такую реакцию и шла на риск. Она заговорила вновь, ее голос звучал громко и уверенно:

– Я убеждена, что вы задаете себе два вопроса. Во-первых: откуда она все это взяла и может ли доказать? И во-вторых: ну зачем говорить об этом сейчас, когда мы все счастливы, нам так хорошо и не хочется портить себе настроение?

И снова голос из зала:

– Вот тут, черт возьми, ты, девочка, права!

– И хорошо, если задаете! – повысила голос Селия. – И услышите ответы на них. От меня.

– Не вздумай нас обижать! – произнес кто-то. Пойдя на риск, Селия рассчитывала, что ей все же удастся договорить до конца. Казалось, цель будет достигнута. Несмотря на явные признаки недовольства среди руководства, никто не встал, чтобы своей властью оборвать ее выступление.

– Во-первых, я знаю, о чем говорю, – громко сказала Селия, – потому что сама принадлежала ко второй группе, к числу тех, кто плохо информирован. И все потому, что отправлялась в маршруты по частным клиникам, не располагая соответствующей подготовкой. В этой связи позвольте рассказать вам об одном случае.

И она описала свой визит к врачу в Северном Платте, когда ее просто выдворили из кабинета. Селия удачно рассказала эту историю, слушали ее внимательно, и в зале снова наступила тишина. То тут, то там она замечала согласные кивки и слышала одобрительные возгласы. Видимо, многим в этом зале пришлось побывать в подобных унижительных ситуациях, подумала Селия.

– Этот врач был прав, – сказала Селия. – Я не обладала знаниями, необходимыми для профессионального разговора с высококвалифицированным медиком, а ведь я должна была их получить прежде, чем прийти к нему.

Обернувшись к столу, она взяла папку.

– Я упомянула об отчетах врачей, в которых сообщается о случаях неверной информации, полученной от агентов по продаже. За тот срок – почти четыре года, – что я работаю в компании “Фелдинг-Рот”, я вела подборку таких отчетов, и вот они – в этой папке. Позвольте привести вам некоторые примеры.

Достав лист, Селия продолжала:

– Как вам известно, у нас имеется рецептурное средство перналтон. Это отличный препарат для лечения гипертонии и один из самых выгодных продуктов компании “Фелдинг-Рот”. Но это лекарство ни в коем случае нельзя давать больным, страдающим ревматизмом или диабетом. Для них оно попросту

опасно: предостережение о тяжелых последствиях для таких больных можно найти в соответствующих публикациях. И что же... Коммивояжеры нашей компании настойчиво убеждали четырех врачей в Нью-Джерси и еще двоих в Небраске, что перналтон безопасен для всех больных без исключения. Если хотите узнать имена этих врачей, они у меня здесь. Но ведь это только те люди, кого я лично знаю. Очевидно, бывает много, даже очень много других подобных случаев.

Двое из упомянутых мною врачей – из тех, что получили неверные сведения о перналтоне, – навели справки и обнаружили ошибку. Двое других поверили нашим агентам и начали выписывать перналтон гипертоникам, страдавшим к тому же диабетом. Состояние нескольких больных резко ухудшилось, одного еле удалось спасти.

Быстрым движением Селия вытащила из папки новую страницу.

– У одной конкурирующей с нами компании есть в ассортименте отличный антибиотик – препарат под названием хлоромидетин. Он предназначен исключительно для лечения серьезных инфекций, поскольку возможны побочные последствия для кровообращения, вплоть до летального исхода. Тем не менее – и опять-таки у меня все зафиксировано: имена, даты, адреса – коммивояжеры этой компании убеждали врачей, что препарат безвреден...

Покончив с хлоромидетином, Селия сказала:

– А теперь вернемся снова к “Фелдинг-Рот”...

По мере того как она говорила, печальных свидетельств становилось все больше.

– Я могла бы продолжать, – спустя какое-то время сказала Селия, – но делать этого не стану, поскольку с этими досье может ознакомиться любой, кто работает в нашей компании. Но я все же хочу ответить на вопрос, почему я решила заговорить об этом сегодня.

Потому что это единственная для меня возможность привлечь ваше внимание. Начиная с прошлого года я пыталась уговорить хоть кого-нибудь из руководства выслушать меня и ознакомиться с моим досье, но никто не согласился. И у меня

возникло сильное подозрение, что к моим словам отнеслись просто как к дурным новостям, от которых хочется отмахнуться.

Тут Селия посмотрела прямо в передние ряды, где сидели руководители компании.

– Может быть, кое-кому мое сегодняшнее выступление покажется своевольным и даже глупым. Может быть, так оно и есть. Но мне бы хотелось подчеркнуть, что я решилась на это сознательно, из чувства глубокой озабоченности за репутацию нашей компании, да и всей отрасли. На эту репутацию легло пятно, а мы не делаем ничего или почти ничего, чтобы его смыть. Я убеждена: если мы сами ничего не предпримем для того, чтобы улучшить методы торговли, и не поднимем свой престиж, нам придется столкнуться с мерами правительства – по душе они нам не придутся и особой радости не доставят.

И последнее: я призываю нашу компанию проявить инициативу. Во-первых, разработать этический кодекс для коммерческих агентов и, во-вторых, создать для них курсы подготовки и переподготовки. Я написала проект такой программы. – Тут Селия прервала свое выступление и улыбнулась. – Если кто-нибудь захочет с ним ознакомиться, он здесь – в моей папке. Спасибо за внимание и всего вам доброго.

Пока Селия собирала бумаги, в зале раздались робкие аплодисменты, но почти сразу же оборвались. Большинство явно ориентировалось на передние ряды, где сидело руководство. А здесь не аплодировали, и на лицах было написано явное неодобрение. Председатель совета директоров был разъярен. Он возбужденно шептал о чем-то Эли Кэмпердауну. Президент “Фелдинг-Рот” слушал и кивал.

К Селии подошел вице-президент по коммерции Ирвинг Грегсон. Выходец из Нью-Йорка, он лишь недавно получил назначение на этот пост. Мощный, атлетически сложенный мужчина, Грегсон обычно был любезен и пользовался всеобщей симпатией. Но сейчас он буквально кипел от ярости, лицо его горело.

– Девушка, – заявил Грегсон, – вас захлестнули озлобленность и предвзятость. К тому же вы попросту заблуждаетесь, ваши так называемые факты неверны. И вы еще об этом пожалеете. Этим мы займемся позже, а пока что я убедительно прошу вас покинуть этот зал и больше сюда не возвращаться.

– Но, сэр, – возразила Селия, – может быть, вы хотя бы взглянете на материалы, которые я...

– Ничего я смотреть не буду! – Грегсон перешел на крик. Его голос разносился по всему залу. – Убирайтесь вон!

– Всего доброго, мистер Грегсон, – спокойно ответила Селия.

Она повернулась и пошла прочь к выходу. Шагала она твердо, с высоко поднятой головой. У нее еще будет время, чтобы пожалеть о случившемся, а пока что у нее не было ни малейшего желания покидать это мужское собрание с видом побитой собаки. И все-таки, призналась себе Селия, она потерпела поражение, и хотя она и не исключала возможности такого финала, но в душе надеялась на лучшее. Просто непостижимо, как при всей очевидности недостатков, о которых она говорила, при явной потребности в реформах ее не поддержали. Ведь факты налицо!

Но все получилось именно так. Ее работе в “Фелдинг-Рот” наверняка пришел конец или вот-вот придет. Жаль! Несомненно, Сэм Хауторн скажет, что она сделала именно то, от чего он ее предостерегал: перестаралась, стремясь добиться всего сразу. Эндрю тоже ведь предостерегал ее, еще когда они только возвратились из свадебного путешествия и Селия рассказала ему, что завела папку с отчетами врачей. Она вспомнила слова Эндрю: “Ты берешься за крупное дело. К тому же рискованное”.

Как он был прав! И, однако же, сейчас речь идет о ее принципах, о праве отстаивать собственные убеждения, и Селия давно для себя решила, что здесь она на компромисс не пойдет. Ей пришла на память строка из “Гамлета”, запомнившаяся со школьных лет: “Всего превыше – быть орудьем правды...” Вот и пришлось поплатиться за правду. Ну что ж, бывает, это связано с болевыми ощущениями.

Проходя через зал, она поймала на себе сочувствующие взгляды, которыми ее провожал кое-кто из участников встречи. После громогласной отповеди, которую она получила, это ее даже удивило. А впрочем, какая теперь разница!

– Задержитесь! Подождите, пожалуйста! – Голос, прогремевший через громкоговоритель словно гром среди ясного неба, заставил вздрогнуть ее от

неожиданности. – Миссис Джордан, вы меня слышите? Подождите!

Селия замедлила шаг, потом остановилась, а голос тем временем повторил:

– Миссис Джордан, задержитесь!

Повернувшись, она с удивлением обнаружила, что голос принадлежит Сэму Хауторну. Сэм покинул свое место в зале, поднялся на трибуну и теперь стоял у микрофона. Все в зале застыли от изумления. В тишине раздался голос Ирвинга Грегсона:

– Сэм... какого черта?

Сэм провел рукой по голове, блестящей под лучами прожекторов, как делал всегда, когда глубоко задумывался. На его грубоватом лице застыло выражение озабоченности.

– Ирвинг, если вы не возражаете, я бы хотел высказать кое-какие соображения и ознакомить с ними присутствующих, прежде чем миссис Джордан уйдет.

Вице-президент по коммерции взглянул на трибуну и раздраженно бросил:

– Так в чем же дело?

– А вот в чем. – Сэм почти вплотную приблизился к микрофону, так что его голос был слышен во всех уголках застывшего в молчании зала. – Уж вам-то, Ирвинг, следует понимать, что я сюда поднялся не ради собственного удовольствия.

– Тогда ради чего? – На этот раз вопрос был задан Эли Кэмпердауном. Президент компании тоже поднялся со своего кресла.

Сэм Хауторн еще ближе наклонился к микрофону и, глядя прямо в лицо президенту “Фелдинг-Рот”, ответил:

– Ради миссис Джордан, Эли. И ради того, чтобы признать, хотя, по-видимому, никто здесь к этому не склонен, что все сказанное ею – сущая правда. И все мы это прекрасно знаем.

Зал словно онемел. Лишь приглушенные звуки проникали снаружи – едва различимый гул уличного движения, звон посуды на кухне, чьи-то голоса в коридоре. Все словно замерли, приросли к стульям, боясь пошевелиться и пропустить хоть слово. В наступившей тишине вновь раздался голос Сэма:

– Я прошу занести в протокол следующее: я бы хотел обладать столь же блестящим умом и силой духа, как миссис Джордан, чтобы выступить с подобной речью. Но и это еще не все.

Тут его прервал Ирвинг Грегсон:

– Вам не кажется, что и так достаточно?

– Дайте ему закончить, – распорядился Эли Кэмпердаун, – все и так выплывет наружу.

Вице-президент по коммерции сбавил тон.

– В частности, – продолжал свое выступление Сэм Хауторн, – я разделяю мнение, что наша отрасль должна перестроиться сама: иначе нас заставят это сделать с помощью соответствующего законодательства, и законы эти будут намного более жесткими, чем метла, с помощью которой нам предлагается вымести мусор из собственного дома. Ведь именно такой совет мы только что получили.

И последнее: относительно миссис Джордан. Она уже неоднократно доказывала, сколько пользы может принести нашей компании. По-моему, она сейчас в очередной раз продемонстрировала это, и если мы позволим ей покинуть этот зал так, как это ей было предложено, то будем полными идиотами.

Селия едва могла поверить своим ушам. Ее пронзило острое чувство стыда: как только могла она усомниться в намерениях Сэма! Своим поступком, понимала Селия, он ставит на карту работу, все планы и надежды на будущее в компании “Фелдинг-Рот”. И все ради нее, Селии.

В зале по-прежнему стояла напряженная тишина. Первым вышел из оцепенения Эли Кэмпердаун. Он вернулся на свое место рядом с креслом председателя совета директоров, и оба они тут же начали о чем-то жарко спорить. Голоса

звучали приглушенно. На этот раз в основном говорил Кэмпердаун. Казалось, он пытается в чем-то убедить собеседника, а пожилой Ванхутен главным образом слушал. Поначалу председатель непреклонно тряс головой, затем вроде бы смягчился и под конец пожал плечами. Кивком Кэмпердаун подозвал к ним Ирвинга Грегсона.

Поскольку было ясно, что решение принимается на самом высоком уровне, всем остальным приходилось лишь ждать. Зал наполнялся гулом разговоров.

Шум утих, когда вице-президент по коммерции отошел от двух других руководителей. Грегсон занял место Сэма Хауторна у микрофона, а последний вернулся на свое кресло в зале. Окинув взглядом зал, полный озадаченных лиц, Грегсон выдержал паузу, после чего позволил себе широко улыбнуться.

– Что бы там ни говорили о совещаниях наших коммерческих агентов, – прокатилось по залу, – одно мы гарантируем: они никогда не бывают скучными.

Слова эти пришлись как нельзя более кстати, и по залу пронесся рев одобрительного хохота. Даже суровый Ванхутен не удержался от смеха.

– Председатель и президент поручили мне сделать заявление, к которому я лично присоединяюсь. Суть его в следующем: несколько минут тому назад все мы проявили поспешность, даже недальновидность. – Снова широкая улыбка, затем, выдержав паузу, Грегсон продолжал:

– Много лет тому назад, когда я был маленьким мальчиком и иной раз попадал в неприятную историю, как это случается со всеми мальчишками, моя мать преподавала мне один урок. “Ирвинг, – сказала она, – когда ты выставил себя круглым дураком и ничего не остается делать, как принести извинения, будь мужчиной, встань во весь рост и постарайся сделать это красиво”. Моя любимая матушка, упокой Господь ее душу, умерла. И однако я слышу ее голос. Она мне говорит: “Ирвинг, мальчик мой, сейчас как раз тот самый случай”.

Наблюдая за Грегсоном и слушая его выступление, Селия подумала: “У этого человека есть свой стиль. Не случайно он так высоко продвинулся в коммерческом отделе компании”.

Она услышала, что он обращается непосредственно к ней:

– Миссис Джордан, пройдите сюда, пожалуйста. И вы, Сэм, тоже.

Когда все они втроем оказались на трибуне, а у Селии голова прямо-таки шла кругом, столь быстро все переменялось, Грегсон сказал:

– Миссис Джордан, я обещал, что принесу вам свои извинения, и я прошу вас принять их. Кроме того, все мы самым внимательным образом изучим ваши предложения. А теперь, если вы не против, я приму у вас эту папку.

Повернувшись к залу, Грегсон заявил:

– Полагаю, все вы только что стали свидетелями того, в чем величие нашей компании и почему она всегда останется на высоте...

Последние слова потонули в реве аплодисментов и одобрительных возгласов. Не прошло и минуты, как Селию окружили со всех сторон. Тут были и представители руководства, и просто люди из зала. Все ее поздравляли, жали ей руку.

Весь остаток 1960 года и начало 1961-го Селия с головой ушла в обучение армии коммивояжеров “Фелдинг-Рот” искусству торговли.

Ее нынешний шеф, директор недавно созданных курсов повышения квалификации торговых агентов, служил до этого управляющим подразделения компании в Канзас-Сити. Звали его Тэдди Апшоу. Когда их представляли друг другу, Селия его тут же вспомнила. Он был одним из тех, на чьих лицах было написано сочувствие, когда ее едва не изгнали из зала “Уолдорф-Астории”.

Это был быстрый, крепко сбитый энергичный коротышка, который, несмотря на свои неполные пятьдесят, носился, как легкий танк.

Они отлично ладили между собой и вскоре договорились о распределении обязанностей: Селия занималась разработкой программ для курсов, а Тэдди отвечал за их практическое осуществление: тут он был в своей тарелке.

В качестве одного из новшеств, предложенных Селией, был цикл торговых переговоров между коммивояжером и врачом, когда перед одним ставилась задача рекламы и сбыта какого-нибудь препарата из арсенала “Фелдинг-Рот”, а второй задавал трудные, временами даже каверзные вопросы. Обычно роль врача выполняли Тэдди, Селия или еще кто-нибудь из руководства курсов.

В связи с переподготовкой торгового персонала весьма часто приходилось обращаться за помощью в научно-исследовательский отдел. Его директор доктор Лорд шел на такое сотрудничество с явной неохотой, расценивая его как пустую трату времени. Но при этом он отказывался передать полномочия кому-либо другому. Однажды он даже язвительно заметил Селии:

– Может быть, вам удалось заморочить голову мистеру Кэмпердауну и прочим, кто дал разрешение на создание вашей маленькой империи, но меня вы не проведете.

С трудом сдерживаясь, Селия ответила:

– Это не моя “империя”. Я всего лишь помощник директора, а не директор. А вас, значит, вполне устраивает, чтобы врачи продолжали получать ложную информацию, как это было раньше?

– Как бы там ни было, – ответил Лорд, пылая от гнева, – сомневаюсь, чтобы вы могли определить разницу.

Когда она рассказала об этом разговоре Апшоу, он пожал плечами и заметил:

– Винс Лорд – порядочная язва. Но эта язва свое дело знает. Может, мне поговорить с Сэмом, чтобы тот слегка ему врезал?

– Не надо, – мрачно ответила Селия, – я с ним сама разберусь.

Чтобы “разобраться”, ей пришлось выслушать еще больше оскорблений, но в то же время узнать немало нового. В конечном итоге она прониклась уважением к Винсенту Лорду. Это был компетентный ученый. Несмотря на то что он был всего на семь лет старше Селии, к своим тридцати шести годам Лорд имел солидный научный багаж – почетный диплом бакалавра наук, полученный в университете

штата Висконсин, диплом доктора химии из университета штата Иллинойс и, кроме того, состоял членом нескольких солидных научных обществ. Винсент Лорд регулярно публиковал статьи, когда работал доцентом в университете штата Иллинойс. В них описывались в основном собственные научные достижения. Селия узнала, что от него ожидали создания в недалеком будущем какого-то важного, принципиально нового лекарства.

Но при всем этом Винсент Лорд так и не научился элементарным правилам общения с людьми. “Возможно, именно поэтому, – подумала Селия, – он так и остался холостяком, хотя в нем есть какая-то своеобразная, аскетическая привлекательность”.

Однажды, в попытке как-то наладить отношения с Лордом, она предложила ему называть друг друга по имени, как это бывало у коллег. Это предложение он холодно отверг:

– Для нас обоих, миссис Джордан, будет лучше никогда не забывать о разнице в нашем положении...

Положение дел с лекарственными препаратами и вообще с фармацевтической промышленностью занимало многие умы за пределами компании.

Большую часть 1960 года газеты и журналы уделяли фарм-бизнесу значительное внимание, причем внимание отнюдь не благосклонное. Непрекращающиеся слушания в сенате США под председательством сенатора Кефопера оказались поистине золотой жилой для репортеров и одновременно вызвали бешеную ярость компаний, подобных “Фелдинг-Рот”. Этот двойной эффект был в значительной мере результатом тщательной режиссуры, осуществляемой сенатором и его командой.

Как водится при всех аналогичных заседаниях конгресса, основной акцент делался на политической ситуации, причем все было predetermined заранее. “Они движутся от продуманной идеи к заранее predetermined выводам”, – писал вашингтонский репортер Дуглас Картер. Кроме того, в тенденциозности подхода к проблеме сквозило явное стремление сенатора Кефопера и его помощников создать шумиху в прессе. Сенатор оказался мастером сенсационных обвинений, с которыми он выступал каждый раз именно тогда, когда репортеры

собирались вот-вот покинуть зал заседаний, чтобы передать сообщение в свои газеты: в одиннадцать тридцать утра – в вечерние выпуски и в половине пятого – в утренние. В результате выступления оппонентов попадали именно на то время, когда корреспонденты отсутствовали.

И несмотря на все это, достоянием гласности стал ряд действительно неприглядных фактов. Обнаружились, в частности, случаи непомерного завышения цен на лекарственные препараты, незаконные сговоры между конкурирующими фирмами в вопросах ценообразования, правительственные заказы на закупку лекарственных средств, полученные в обход закона, реклама препаратов, вводящая в заблуждение врачей, при которой сводились на нет, а иногда и полностью игнорировались данные об опасных побочных эффектах. Отмечалось также проникновение фармацевтических компаний в FDA. Так, некий высокопоставленный служащий FDA получил от одной компании “гонорар” на сумму в 287 тысяч долларов...

Кампания осуждения, развернувшаяся на страницах прессы, продолжалась в больших и малых городах, от побережья до побережья. Телевидение и радио также не остались в стороне. В общем, как заметила как-то Селия в разговоре с Эндрю в декабре:

– В этом году особенно не похващаешься, какая замечательная у меня работа!

Селия в те месяцы находилась в декретном отпуске; их второй ребенок родился в октябре. Эндрю оказался прав, предполагая, что это будет мальчик. Назвали его Брюсом.

За несколько месяцев до этого события их жизнь стала значительно легче благодаря появлению молодой англичанки Уинни Огаст; она жила у них в доме и присматривала за детьми. Эндрю нашел ее по объявлению, помещенному в медицинском журнале.

Уинни было девятнадцать лет, раньше она работала помощником продавца в Лондоне, и, как она сама выражалась, ей “хотелось бы работенки полегче, да так, чтобы распознать, из какого теста вы, янки, слеплены, а потом также провести парочку лет на другой стороне шарика, у австралов”.

В конце 1960 года произошло еще одно событие, которое случайно попало в поле зрения Селии. В FDA поступила заявка на западногерманское лекарство талидомид. В США и Канаде препарат выпускался под названием кевадон. Как сообщалось в специальных журналах, компания “Меррелл” – обладатель лицензионного права на распространение лекарства в Северной Америке – строила далеко идущие планы в связи с выпуском талидомида-кевадона. В компании твердо верили – лекарство окажется ходким товаром. В Европе спрос на него был по-прежнему высок. “Меррелл” всячески нажимала на FDA, добиваясь быстрого решения по этому вопросу. А тем временем “пробные” образцы лекарства, по словам представителей фирмы, – а фактически неофициальное количество его – распространялись среди более чем тысячи врачей ловкими коммивояжерами компании “Меррелл”.

После рождения Брюса Селия вернулась в “Фелдинг-Рот” уже в середине декабря. На курсах переподготовки было полно дел. Компания расширялась. Создавалось еще более сотни рабочих мест коммивояжеров. По настоянию Селии принимали и женщин, правда, всего пять-шесть. Решению Селии поскорее выйти на работу способствовал и заразительный дух национального подъема. В ноябре Джон Кеннеди был избран президентом, и, если верить его изящному красноречию, страна вступала в новую эру, исполненную светлых надежд и свершений.

– Я не хочу оставаться в стороне, – как-то призналась Селия Эндрю. – Все только и говорят о том, что вершится история и все начинается заново. Только и слышно: “Сейчас самое время для тех, кто молод и стоит у руля”.

– Угу, – едва отреагировал Эндрю, что было вовсе для него не характерно. Затем, словно спохватившись, добавил:

– Что до меня – я за!

Однако голова его была занята отнюдь не идеалистическими порывами жены. У него хватало своих проблем.

Причиной его тревоги был доктор Ноа Таунсенд, всеми уважаемый главный врач больницы “Сент-Беде”. Эндрю стало известно нечто такое, мало сказать неприятное – отвратительное, что вообще ставило под сомнение право его

старшего коллеги заниматься медициной. Доктор Таунсенд был наркоманом!

Многие годы Ноа Таунсенд, а ему сейчас было около шестидесяти, мог считаться образцом опытного, компетентного врача. С неизменным вниманием относился он к больным независимо от того, были ли они богаты или бедны. Он обладал в высшей степени респектабельной внешностью. Обращался он с людьми мягко, держался с достоинством. В итоге доктор Таунсенд имел солидную практику, пользовался любовью и привязанностью пациентов, на что действительно имелись все основания. Считалось, что Таунсенд обладает исключительными способностями диагноста. Его жена, Хилда, как-то заметила в разговоре с Эндрю:

– Я стояла рядом с Ноа на одной вечеринке, когда он взглянул на совершенно незнакомого мужчину в другом конце комнаты и тихо мне сказал: “Этот человек очень болен, но он этого не знает” – или в другой раз: “Смотри-ка, вот та женщина – не знаю, как ее зовут, – ей осталось жить не более полугода”. И он всегда оказывался прав. Всегда!

Безгранично верили в способности доктора Таунсенда и его пациенты. Некоторые рассказывали анекдоты о его безошибочных диагнозах, благодаря чему его нарекли “врачом-провидцем”. А один больной даже привез ему в подарок из Африки маску тамошнего знахаря, которую Таунсенд с гордостью повесил на стене у себя в кабинете.

Эндрю также с почтением относился к способностям своего маститого коллеги. Между ними установилась взаимная прочная симпатия.

Эндрю уважал Таунсенда и за то, что последний был неизменно в курсе новейших достижений медицины, постоянно читал специальную литературу, чем выгодно отличался от многих врачей своего поколения. Все это, однако, не помешало Эндрю заметить: в последние месяцы Таунсенд как-то странно рассеян. Временами его речь становилась невнятной. А потом, в начале года, произошли два инцидента, когда доктор Таунсенд вообще срывался – был груб и резок. Такое сочетание симптомов заставило Эндрю встревожиться, хотя он и пытался убедить себя, что всему виной постоянное напряжение и усталость. Надо сказать, что они оба работали с полной нагрузкой – поток больных не прекращался.

Но однажды в ноябре смутные подозрения Эндрю уступили место твердой убежденности.

Все случилось, когда Эндрю зашел к Таунсенду обсудить график их выходных: они работали посменно, подменяя друг друга. Эндрю вошел в кабинет Таунсенда, когда тот его не ждал. Таунсенд стоял спиной к двери, но от неожиданности резко повернулся, забыв второпях зажать то, что держал на ладони, – целую пригоршню таблеток и капсул. Но даже и тогда Эндрю мог ничего не заподозрить, если бы не поведение его старшего коллеги. Таунсенд покраснел от смущения, но, явно бравируя, закинул всю пригоршню в рот и запил стаканом воды.

Эндрю не мог прийти в себя от ужаса: надо же, целый коктейль из таблеток – штук пятнадцать, не меньше. И с какой легкостью он все это проглотил!

– Кажется, меня поймали с поличным. – Таунсенд попытался обратить все в шутку. – А я-то только было раскочегарил печку. Ну что же, признаюсь, время от времени я этим балуюсь. Чертовски устаю последнее время... Но что до работы, тут уж будьте покойны!.. Да, мой мальчик, я ведь старый костоправ – рука набита что надо! Нипочем не дрогнет. Нипочем! – Таунсенд рассмеялся, но смех звучал фальшиво. – Так что, Эндрю, не волнуйтесь! Я знаю, где и когда нажать на тормоза!

Вся эта тирада мало в чем убедила Эндрю. Еще менее убеждала несвязная речь. Все это наводило на мысль о том, что порция таблеток, только что проглоченных Таунсендом, была не первой в тот день.

Не надо было быть специалистом в области наркологии, чтобы понять: подобная смесь стимуляторов и транквилизаторов должна была действовать как любой наркотик, продаваемый на улице из-под полы, и быть не менее разрушительной и опасной. Да и сама доза показывала, что человек, ее принимающий, уже безнадежно погряз в болоте наркомании.

Что же теперь делать? Эндрю решил прежде всего разузнать более подробно о подобных случаях.

В последующие две недели все свое свободное время он проводил в библиотеках в поисках соответствующей справочной литературы. Библиотека у

них в больнице “Сент-Беде” была довольно скромная, но Эндрю знал, что есть другая, в Ньюарке. И в той, и в другой имелись материалы о врачах-наркоманах, и чем более он изучил эти документы, тем более убеждался, что наркомания широко распространилась среди врачей. Согласно оценкам Американской медицинской ассоциации, примерно пять процентов всех врачей имели квалификационный уровень “ниже среднего” вследствие наркомании, алкоголизма и прочих подобных причин. Если уж АМА приводит такие цифры, решил Эндрю, то в действительности они должны быть еще выше. Все, с кем он советовался по этому поводу, придерживались такого же мнения: одни называли десять процентов, кое-кто даже пятнадцать.

Эндрю неотступно преследовал один и тот же вопрос: как же быть с больными Ноа Таунсенда, которые одновременно были и пациентами самого Эндрю? Ведь они практиковали совместно, зачастую подменяя друг друга! Не угрожает ли теперь опасность больным? Пока вроде бы Таунсенд не допускал врачебных ошибок. Но ведь может случиться, что под влиянием наркотиков он поставит неверный диагноз, не сумеет различить важный симптом болезни? У главного врача больницы “Сент-Беде” колоссальная ответственность!

Чем глубже погружался Эндрю в раздумья, тем больше перед ним вставало вопросов и тем труднее было найти на них ответы. В конце концов он признался во всем Селии.

– О Боже! – только и могла шепотом вымолвить она, когда Эндрю кончил свой рассказ. – Боже праведный!

– Понимаешь теперь, почему в последнее время я ходил как в воду опущенный?

Селия подошла к Эндрю и, крепко обняв его, прижалась щекой к щеке.

– Бедный мой, любимый Эндрю. До чего же тяжело тебе пришлось. А я даже и не подозревала. Мне так тебя жаль!

– Да что я! Жалеть надо Ноа.

– Его мне тоже жаль. Очень жаль. Но, Эндрю, ведь я все-таки женщина, и ты для меня дороже всех на свете. Я не могу, не хочу допустить, чтобы ты и дальше так мучился.

– Тогда посоветуй, что делать?

– Эндрю, ты не можешь хранить все это в тайне. Ты просто обязан рассказать кому-нибудь обо всем – не только мне одной.

– Кому, например?

– Разве тебе самому не ясно? Кому-нибудь из начальства, кто в состоянии принять какие-то меры, чтобы помочь Ноа.

– Но, Селия, я ведь так не могу! Стоит мне слово сказать, как тут же пойдут разговоры. Ноа будет опозорен. Его уволят с места главного врача, да и вообще он может лишиться права на врачебную практику, что будет означать для него полный крах. Нет, на это пойти я не могу, решительно не могу.

– В таком случае какой у нас выбор?

– Если бы я только знал, – понуро ответил Эндрю.

– Я хочу тебе помочь, – сказала Селия. – Действительно хочу, и у меня родилась одна идея.

– Надеюсь, более приемлемая?

– Не думаю, что мое первое предложение такое уж плохое. Но если ты не хочешь заводить разговор конкретно о Ноа Таунсенде, почему бы не поднять вопрос в принципе? Проверить, какая будет реакция. Обсудить проблему в целом, выяснить, что думают по этому поводу другие сотрудники больницы.

– У тебя есть какая-нибудь кандидатура?

– Ну, скажем, ваш администратор.

– Лен Суитинг? Сомнительно! Хотя, впрочем, это мысль. Спасибо. Мне только надо все хорошенько взвесить.

– Полагаю, вы хорошо отметили Рождество, – сказал Леонард Суитинг.

– Да, хорошо, – подтвердил Эндрю. Разговор происходил в кабинете администратора больницы, при закрытых дверях. Суитинг сидел за рабочим столом. Эндрю – напротив него, в кресле.

Администратор – высокий, долговязый мужчина, бывший адвокат, смахивавший больше на баскетболиста, – на самом деле увлекался весьма неожиданным хобби – бросанием подков в цель. В этой игре он был победителем нескольких чемпионатов. Он любил говорить, что победы на чемпионатах давались ему легче, чем решения спорных вопросов, когда требовалось соглашение сразу нескольких врачей. Он сменил работу юриста на службу в госпитале, когда ему было за двадцать, и теперь на пороге пятидесятилетия разбирался в медицине не хуже многих специалистов. Эндрю довольно близко сошелся с Суитингом года четыре назад и, в общем, относился к нему с уважением.

У администратора были густые кустистые брови, которые подрагивали, словно ветви, каждый раз, когда он начинал говорить. Вот и сейчас они вздрогнули, когда Суитинг быстро сказал:

– Итак, Эндрю, у вас проблема? Хотите посоветоваться?

– Собственно, проблема возникла у одного моего друга – врача из Флориды, – соврал Эндрю. – В госпитале, где он работает, случилось такое... Ну, в общем, он не знает, как ему поступить. Мой друг попросил меня разузнать, как бы мы стали действовать в подобной ситуации.

– В чем суть проблемы?

– Дело касается наркотиков. – Эндрю быстро обрисовал вымышленную картину, соответствующую реальному случаю, но при этом старался избежать чересчур близкого соответствия.

Тут он заметил, как во взгляде Суитинга появилась некоторая настороженность, а от дружеского участия не осталось и следа. Густые брови администратора съехались к переносице. Когда Эндрю кончил говорить, Суитинг подчеркнуто поднялся из-за стола.

– Эндрю, у меня своих проблем по горло хватает, чтобы еще влезать в дела другого госпиталя. Но вот вам мой совет: передайте вашему другу – ему следует быть очень, очень осторожным. Он встанет на опасный путь, если обвинит другого врача. А теперь, если вы мне позволите...

ОН ЗНАЕТ. Эндрю словно молния пронзила догадка: Лен Суитинг отлично понимает, о чем и о ком идет речь. Его ни на секунду не ввела в заблуждение болтовня Эндрю о друге из Флориды. Суитинг знал обо всем раньше. И при этом явно не собирался предпринимать никаких шагов. Сейчас он хотел одного, это было очевидно, – поскорее выпроводить Эндрю из своего кабинета.

Но это еще не все. Если Суитинг все знает, значит, другие врачи наверняка в курсе дела. В том числе коллеги Эндрю, многие из которых намного старше его. И они ведь тоже ровным счетом ничего не предприняли.

Чувствуя себя круглым идиотом, Эндрю поднялся, чтобы уйти. Лен Суитинг, к которому возвратилась прежняя любезность, проводил его до дверей.

– Простите, что так бесцеремонно приходится вас выпроваживать, но ко мне вот-вот должны пожаловать важные посетители – крупные финансисты, мы надеемся, что больнице от них перепадет несколько миллионов долларов. Как вы, конечно, понимаете, нам такая сумма совсем не помешает. Кстати, ваш шеф также примет участие в этой встрече. Ноа обладает удивительными способностями, когда дело касается сбора пожертвований для больницы. Похоже, он знает всех, и все его любят. Временами мне кажется, что больница попросту перестала бы существовать, не будь у нас доктора Таунсенда.

Так вот оно что! Все сказано просто и без обиняков: не трогай Ноа Таунсенда! Благодаря своим связям и богатым друзьям Ноа слишком большая ценность для больницы “Сент-Беде”, чтобы позволить разгореться скандалу, связанному с его именем: “Пускай все будет шито-крыто, друзья. Кто знает, может быть, если мы сделаем вид, что проблемы не существует, она сама по себе рассосется”.

Эндрю решил, что ему остается в подобной ситуации одно: поступать как другие – ничего не делать. Единственное, что в его силах, – это не спускать глаз со своего старшего коллеги и стараться следить за тем, чтобы ни сам Ноа, ни его больные не пострадали.

Когда Эндрю поведал о всех событиях Селии и рассказал о своем решении, она посмотрела на него как-то отчужденно:

– Ты сам так решил, и мне понятно почему. И все-таки ты еще можешь пожалеть об этом.

Доктор Винсент Лорд, директор научно-исследовательского отдела компании “Фелдинг-Рот”, был личностью сложной, человек недоброжелательный мог бы даже употребить слово “путаной”. Как-то один его коллега-ученый язвительно заметил: “Винс ведет себя так, будто его психика вертится в центрифуге и он сам не знает, что в результате этого получится или чего бы он сам хотел”.

Подобное сравнение само по себе было парадоксальным. В тридцать шесть лет доктор Лорд достиг того уровня успеха, о котором многие могут только мечтать. Но то, что этот уровень был высок, заставляло его беспокоиться и тревожиться: как удержаться и можно ли подняться еще выше?

О докторе Лорде можно было также сказать, что, если бы в его жизни не было проблем, он бы сам их создал. Иными словами, некоторые его опасения были скорее игрой его воображения, нежели реальностью. Его тревожило, в частности, то, что он так и не завоевал признания, которое, как ему казалось, заслуживал, среди представителей “чистой науки”. Всех работавших в фармацевтических компаниях он презирал, считая чем-то вроде людей “второго сорта”.

А ведь три года назад Лорд сам, по собственному выбору, сменил место доцента университета штата Иллинойс на работу в компании “Фелдинг-Рот”. Это решение было принято под влиянием глубокой обиды на университет. Обида сохранилась и поныне, перейдя в постоянную, разъедавшую душу горечь.

Время от времени он спрашивал себя: “А не слишком ли поспешно и необдуманно я поступил, покинув академический мир? Может быть, оставаясь на своем старом месте или хотя бы перейдя в другой университет, удалось бы завоевать более широкое, даже международное научное признание?”

Все началось шесть лет назад, в 1954 году.

Именно тогда Винсент Лорд стал “доктором Лордом”, обладателем научной степени в области органической химии. Написанная им работа была добротной. Химический факультет университета славился как один из лучших в мире. А Лорд проявил себя блестящим студентом.

Его внешность соответствовала облику ученого. Черты лица были тонкие, чувственные, довольно мелкие и по-своему привлекательные. Менее приятно было то, что он редко улыбался и то и дело озабоченно хмурился. Зрение у него было слабое, вероятно, в результате многолетних усердных занятий, и он носил очки без оправы, сквозь которые смотрели темно-зеленые глаза – самая яркая черта его внешности. В них постоянно сквозила настороженность, переходящая в подозрительность. Он был высок и худощав – последнее по причине того, что еда его не интересовала. Он относился к ней как к пустой трате времени и ел лишь для удовлетворения потребностей своего тела. Женщины находили Винсента Лорда привлекательным. Мнение мужчин разделялось: одним он нравился, другим был отвратителен.

Предметом его научных интересов были стероидные гормоны, в частности их синтез. Казалось, что для доктора Лорда вполне закономерно остаться в университете штата Иллинойс на двухгодичный срок в докторантуре...

Два года прошли под знаком непрерывных успехов в науке и были омрачены лишь незначительными личными проблемами, в частности привычкой, почти манией, постоянно мысленно оглядываться и задаваться вопросом: а правильно ли он поступил? Не совершил ли ошибку, оставшись под “крышей” университета в Иллинойсе? Не лучше ли было “обрезать пуповину” и отправиться в Европу, где, может быть, он получил бы более совершенные знания? Все эти вопросы, в большинстве своем надуманные, постоянно роились в его голове, угнетающе действовали на настроение, вызывали раздражительность. Постепенно она стала чертой его характера, заставившей отвернуться от Лорда его друзей.

В клубке противоречий, из которых был соткан характер Винсента Лорда, существовала и другая крайность: он был чрезвычайно высокого мнения о себе как ученом и о своей работе. Надо сказать, что это мнение было оправданным. Поэтому он вовсе не удивился, когда в конце докторантуры ему было предложено место ассистента профессора, которое он и принял. И снова через какое-то время его начали мучить сомнения: а правильно ли он поступил?..

За срок, едва превышавший четыре года, Лорд опубликовал пятнадцать научных статей – некоторые из них были напечатаны в престижных изданиях, включая “Журнал американского химического общества” и “Журнал биологической химии”. Отличные достижения, особенно если принять во внимание его относительно невысокий статус в университете.

Однако именно это обстоятельство служило постоянным источником ярости, бередившей душу Лорда.

В замкнутом мире академической науки карьеры редко делаются быстро. Наоборот, здесь все происходит мучительно медленно. Следующей ступенькой на пути Винсента Лорда было звание доцента – звание, служившее своего рода сигналом: ты своего добился, ты вошел в элиту академического мира. Ты достиг того, что уже навсегда останется при тебе, ты можешь работать столько, сколько пожелаешь, – в твои дела не будут вмешиваться. Ты добился всего, чего хотел.

Больше всего на свете Винсент Лорд мечтал о звании доцента. Ему хотелось получить его немедленно, а не ждать два года, пока будут проворачиваться традиционные академические жернова.

И вот, удивляясь, почему эта идея не пришла ему в голову раньше, он решил искать пути для ускоренного продвижения. А с его заслугами, убеждал себя Лорд, это будет делом плевым, чистой формальностью. Уверенный в успехе, он подготовил библиографический список своих трудов, договорился по телефону с деканом о свидании на следующей неделе и, когда встреча была назначена, отправил список по назначению.

Декан Роберт Харрис был человеком маленького роста, мудрым от природы и еще более умудренным жизнью. В первую очередь Харрис был ученым – он до сих пор не терял связи с наукой и держал руку на ее пульсе в своей маленькой лаборатории. Несколько раз в год он посещал научные конференции. Но большая часть его рабочего времени была – увы! – посвящена административным делам химического факультета.

В одно мартовское утро 1957 года декан Харрис сидел у себя в кабинете и листал страницы библиографии работ доктора Винсента Лорда, задавая себе

при этом вопрос: что бы все это значило? Но поскольку дело касалось человека, столь подверженного настроению и непредсказуемого, как доктор Лорд, причин могло быть множество. Впрочем, так или иначе, все скоро станет ясно. Автор библиографии должен был появиться через 15 минут.

Закрыв пухлую папку, которую он тщательно прочитал от корки до корки – декан был человеком добросовестным, – он откинулся в кресле за своим рабочим столом и погрузился в раздумья, сопоставляя факты со своими личными, чисто субъективными впечатлениями о Винсенте Лорде.

Да, потенциал этого ученого колоссален. В этом можно не сомневаться. Если все сложится удачно – а удача в судьбе ученого играет роль не меньшую, чем для всех прочих смертных, – он может сделать в будущем какое-нибудь замечательное открытие, чем прославит и себя, и университет штата Иллинойс. Казалось, перед Лордом открывались безграничные перспективы, семафор судьбы горел зеленым огоньком. И все-таки...

Временами при мысли об этом человеке декан Харрис испытывал смутное беспокойство.

И причиной тому был вовсе не трудный характер Лорда.

Декана волновало другое, более важное: не прячутся ли в сокровенных уголках души Лорда сорняки беспринципности, способные перерасти в научное шарлатанство?

Почти четыре года тому назад, когда доктор Лорд только начинал работать ассистентом профессора, он подготовил доклад о серии научных экспериментов, которые, по его словам, дали исключительно важные результаты. Но буквально накануне публикации доклада университетский коллега Лорда, еще более солидный специалист в области органической химии, сообщил, что при попытке воспроизвести эксперименты по методике Лорда и получить аналогичные результаты он потерпел неудачу: результаты его опытов оказались иными.

Было проведено расследование. Стало ясно, что Винсент Лорд допустил ошибки. На первый взгляд они казались всего лишь следствием неверной интерпретации полученных результатов. Доклад Лорда был переписан и опубликован. Однако он не произвел того бума в научном мире, который неизбежно бы произошел,

окажись первоначальные результаты верными.

Сам по себе этот случай не казался столь уж принципиальным. То, что произошло с доктором Лордом, временами случалось с самыми добросовестными учеными. От ошибок никто не застрахован. Однако в случаях, когда ученый обнаруживал допущенную им ранее ошибку, считалось общепринятой этической нормой публично сообщить об этом и внести коррективы в уже опубликованную работу.

Что же касается Лорда, то его реакция на происшедшее дала повод ученым мужам университета предположить, что он знал о допущенных ошибках, вероятно, сам обнаружил их после того, как доклад был подготовлен к печати, но предпочел о них умолчать, понадеявшись, что никто ничего не заметит.

Какое-то время в университетском городке раздавалось ворчание по поводу этики и моральных качеств ученого. Затем, после серии крупных открытий Винсента Лорда, получивших высокую оценку, ворчание утихло, и недавний инцидент вроде бы предали забвению.

Декан Харрис также почти позабыл о нем, если бы не разговор, состоявшийся две недели назад во время научной конференции в Сан-Франциско.

– Послушай, Бобби, – обратился к нему однажды вечером, когда они сидели и выпивали, профессор Стэнфордского университета, давний приятель Харриса, – на твоём месте я бы не спускал глаз с этого твоего парня, Лорда. Кое-кто находит, что две его последние статьи просто великолепны. С синтезом у него все в порядке, да вот только мы никак не можем добиться столь же великолепных результатов, как он.

В ответ на просьбу Харриса объяснить подробнее, что он имеет в виду, его собеседник добавил:

– Я вовсе не хочу сказать, что Лорд нечестен, мы все знаем, что он хороший ученый. Но создается впечатление, что этот молодой человек чересчур торопится, слишком уж спешит. А нам с тобой, Бобби, известно, чем это чревато, – то тут, то там углы начинаешь срезать, результаты экспериментов подгонять под те, которые хочешь получить. Опасность усугубляется, когда ученый самонадеян. Так что мысль моя сводится к следующему: ради блага

университета штата Иллинойс и вашего собственного будьте начеку!

Декан Харрис кивком поблагодарил за совет. Он был встревожен не на шутку.

По возвращении он вызвал к себе руководителя отдела, в котором работал Лорд, и рассказал ему об этом разговоре. Затем попросил поподробнее ознакомиться с двумя последними докладами Лорда.

На другой день руководитель отдела вновь появился в кабинете декана. Да, доктор Лорд не отрицает, что существует некоторое расхождение во мнениях относительно последних результатов его исследований, опубликованных в печати. Он намерен вновь повторить эксперименты и, если потребуются, готов опубликовать поправку.

На первый взгляд Лорд вел себя корректно. И все же трудно было удержаться от вопроса: а стал бы Лорд предпринимать какие-либо действия, если бы никто не усомнился в его результатах? Вот и теперь, две недели спустя, декан Харрис по-прежнему ломал голову над этим, но тут его секретарша объявила:

– Доктор Лорд ожидает в приемной.

– Вот как обстоит дело, – минут через десять подвел итог Винсент Лорд. Он сидел лицом к декану по другую сторону стола. – Вы ознакомились с моими достижениями, отраженными в библиографии. Полагаю, что они более солидны и впечатляющи, чем результаты работы любого другого ассистента профессора у нас на факультете. Честно говоря, никто даже в сравнение не идет. Кроме того, я вам изложил свои планы на будущее. Принимая все это во внимание, я считаю, что мое ускоренное продвижение было бы совершенно оправданно и я на него могу рассчитывать.

Сложив ладони, декан посмотрел сквозь кончики пальцев на доктора Лорда и с легкой улыбкой заметил:

– А вы не страдаете излишней скромностью.

– А почему, собственно, я должен ею страдать? – Ответ прозвучал резко и без тени юмора. Темно-зеленые глаза Лорда впились в декана. – Я свой послужной список знаю не хуже других. Мне также известно, что есть у нас на факультете люди, у которых работ несравненно меньше, чем у меня.

– Если вы не возражаете, – тут в голосе декана зазвучали жесткие нотки, – мы не будем говорить о других. Сейчас речь идет о вас.

Тонкое лицо Лорда вспыхнуло.

– Я вообще не вижу тут никакого вопроса. Все и так предельно ясно. По-моему, я только что все вам объяснил.

– Да, объяснили. И весьма красноречиво. – Декан Харрис решил, что не позволит спровоцировать себя на резкость. К тому же Лорд был действительно прав в оценке своих заслуг. Зачем бы ему изображать наигранную скромность? Даже его напористость можно понять. Многие ученые – и декан это знал по собственному опыту – попросту не имеют времени, чтобы овладевать правилами дипломатического этикета.

Значит, уступить и согласиться с требованием Лорда о быстром продвижении? Нет. Декан Харрис уже принял решение: он на это не пойдет...

– Доктор Лорд, – голос декана звучал спокойно, – на данном этапе я не могу рекомендовать вашу кандидатуру на должность доцента.

– Не можете? Почему?

– Я не считаю, что выдвинутые вами обоснования достаточно убедительны.

– Что вы имеете в виду под словом “убедительны”? Лорд стрелял словами, словно командир на плацу, и тут декан решил: всякому терпению есть предел.

– Я полагаю, для нас обоих будет лучше закончить этот разговор, – холодно ответил Харрис. – Всего доброго!

Но Лорд даже и не подумал сдвинуться с места. Он продолжал сидеть перед деканом, лицо его горело.

– Я прошу вас пересмотреть свое решение. В противном случае вы можете о нем пожалеть.

– Пожалеть? Каким же образом?

– Я могу принять решение уйти из университета.

– Мне будет жаль, если это случится, – ответил декан, причем совершенно искренне. – Ваш уход будет потерей для университета... Но, с другой стороны, – и тут декан позволил себе слегка улыбнуться, – я уверен, что даже после вашего ухода данное учреждение не прекратит своего существования.

Лорд встал. Щеки его пылали. Не сказав больше ни слова, он выскочил из кабинета, с грохотом хлопнув дверью.

Напомнив себе – в который раз, – что кроме прочих обязанностей он должен спокойно и справедливо обходиться с отнюдь не спокойными, талантливыми людьми, чье поведение не всегда укладывается в обычные рамки, декан приступил к другим делам.

Но доктор Лорд не мог так быстро “отключиться”. В голове у него словно вновь и вновь прокручивалась магнитофонная запись их беседы, с каждым разом ожесточая его все больше. В конце концов он возненавидел не только Харриса, но и весь университет.

Винсент Лорд подозревал – хотя об этом и не упоминалось во время их беседы, – что отказ в продвижении на должность доцента был в какой-то мере связан с теми небольшими поправками, которые ему пришлось внести в две свои последние публикации. Это подозрение еще больше распаляло его гнев, так как в его представлении данный случай был мелочью в сравнении с общим значением его научной работы.

И когда три месяца спустя на научной конференции в Сан-Антонио председатель компании “Фелдинг-Рот” предложил ему стать “членом их команды” – что

означало приглашение на работу, – он сказал: “Ну что же, вполне возможно”.

И с научной точки зрения предложение выглядело заманчиво, и обещанный ему оклад почти вдвое больше, чем он имел в университете штата Иллинойс.

Ради справедливости следует заметить, что деньги сами по себе значили для Лорда почти столь же мало, как и еда. Его личные потребности были очень скромными, и он никогда не испытывал затруднений, живя на свою университетскую зарплату. Но деньги, предложенные ему фармацевтической компанией, были еще одним выражением признания его научных заслуг. В сентябре 1957 года Лорд приступил к работе в компании “Фелдинг-Рот”.

Почти одновременно произошло неожиданное событие. В начале ноября директор научно-исследовательского отдела компании, сидя за своим микроскопом, умер от обширного кровоизлияния в мозг. Винсент Лорд оказался самой подходящей кандидатурой на эту должность.

За три прошедших года Винсент Лорд накрепко утвердился в высших сферах компании “Фелдинг-Рот”. К нему относились с уважением. Его компетентность ни разу не подвергалась сомнению. Отделом он управлял эффективно, лишь изредка прибегая к помощи со стороны, и, несмотря на личные трудности, связанные с его характером, отношения с подчиненными у него установились хорошие. И, что не менее важно, его научная работа продвигалась успешно.

При подобных обстоятельствах любой другой на его месте был бы счастлив. И все-таки он никак не мог отделаться от навязчивой привычки постоянно мучиться сомнениями относительно давным-давно принятых решений, снова переживать горечь и озлобление, вспоминая, как ему отказали в продвижении по службе в университете. Да и нынешнее его положение, как он считал, было не безоблачным. У него вызвали подозрения действия некоторых служащих компании, работавших в других отделах. Уж не стремятся ли они подорвать его авторитет? Было несколько человек, которых он откровенно невзлюбил, и среди них – эта настырная бабенка Селия Джордан. Слишком много шума было вокруг нее. Лорд воспринимал Селию как конкурента в борьбе за престиж в компании.

Впрочем, если произойдет одно событие, которое теперь, казалось, было не за горами, никто не будет ему опасен.

Подобно большинству ученых, Винсент Лорд больше всего стремился к раскрытию неразгаданных тайн науки. И, подобно другим, он давно мечтал добиться крупного открытия, сказать свое, новое слово в науке, способное резко раздвинуть границы познания и увековечить его имя в почетном списке истории.

Наконец-то эта мечта, казалось, близка к осуществлению. После трех лет настойчивого изнурительного труда перед Лордом стал вырисовываться состав нового препарата, способного, как он полагал, произвести революцию в фармакологии. Работы оставалось еще много. Требовалось еще года два на проведение различных исследований, в том числе опытов над животными. Но предварительные результаты обнадеживали, все шло в нужном направлении. За это Винсент Лорд мог поручиться всеми своими знаниями, опытом и интуицией ученого.

Конечно, когда новый препарат поступит на рынок, это принесет компании немислимые прибыли. Но главное, что заботило Лорда, – это не деньги, а слава.

Все, что ему требовалось, – это еще немного времени.

А уж потом он им покажет! Бог свидетель, он им всем покажет!

История с талидомидом кончилась взрывом!

Позднее Селия скажет об этом:

– Тогда никто из нас не мог этого предвидеть. Но после того как история с талидомидом стала достоянием гласности, фармацевтическая промышленность не могла уже двигаться старыми путями.

В апреле 1961 года врачей в Западной Германии встревожил внезапный рост редкой патологии – рождение детей без рук и ног, с маленькими, бесполезными отростками, напоминающими плавники тюленей.

Несколько матерей покончили жизнь самоубийством, большинству потребовалась помощь психиатров. И однако же причина вспышки фокомелии оставалась неизвестной. (Само слово происходит от греческих корней: “фок” –

“тюлень”; “мелос” – “нога”, “конечность”). В одном исследовании высказывалось предположение, что причиной заболевания могли явиться радиоактивные осадки, выпадающие в результате испытаний атомных бомб. Автор другой статьи обвинял во всем вирус.

Затем, в ноябре 1961 года, два медика, никак между собой не контактировавшие и даже не знавшие о существовании друг друга – врач-педиатр из ФРГ и акушер из Австралии, – одновременно связали вспышку фокомелии с талидомидом. Вскоре было доказано, что именно этот препарат, принимаемый беременными женщинами, вне всяких сомнений, явился причиной появления на свет детей-уродцев.

Австралийские власти тут же запретили продажу талидомида. Власти ФРГ и Англии последовали их примеру через месяц, в декабре. Но Соединенным Штатам потребовалось еще два месяца, и лишь в феврале 1962 года заявка на талидомид-кевадон была изъята из Управления по контролю за продуктами питания и лекарственными препаратами.

Селия и Эндрю, следившие за этой трагической историей по научным публикациям и газетам, часто обсуждали ее между собой.

Однажды вечером, за ужином, Селия воскликнула:

– Ой, до чего же я рада, Эндрю! Ты молодец, что не позволил мне принимать никаких лекарств во время беременности.

За несколько минут до этого она с радостью и благодарностью любовалась обоими своими здоровыми, крепкими детьми.

– А ведь и я могла принимать талидомид. Оказывается, его принимали жены некоторых врачей.

– А ведь и у меня был кевадон, – тихо заметил Эндрю.

– У тебя?

– Агент одной компании принес мне пробную партию.

– Но ты ведь ею не воспользовался? – со страхом встрепенулась Селия.

Отрицательно покачав головой, Эндрю ответил:

– Мне хотелось бы сказать, что препарат казался мне подозрительным, но это было бы неправдой. Я просто-напросто о нем забыл.

– А где сейчас эти образцы?

– Сегодня я о них вспомнил и спустил в унитаз.

– И слава Богу!

В последующие несколько месяцев продолжали поступать сообщения о последствиях, вызванных талидомидом: в разных странах родилось двадцать тысяч искалеченных детей, хотя, конечно, трудно считать эту цифру точной.

В Соединенных Штатах число детей, пораженных фокомелией, достигло восемнадцати или девятнадцати – и то лишь потому, что разрешение на массовое использование лекарства так и не было получено. В противном случае количество безруких и безногих младенцев могло бы, вероятно, достигнуть десятков тысяч.

– Нам нужно какое-то новое ограничительное законодательство, – заявил Эндрю, – случай с талидомидом, помимо всех бед, которые он наделал, доказал: промышленность, в которой ты, Селия, работаешь, не способна сама себя контролировать, а кое-где она полностью прогнила.

– Хотелось бы мне возразить, – с грустью согласилась Селия, – но не могу. Как не сможет ни один здравомыслящий человек.

Ко всеобщему удивлению, был разработан ряд действительно полезных законодательных актов, которые президент Кеннеди подписал и утвердил в октябре 1962 года, несмотря на предшествующие политические интриги. Хотя они были далеки от совершенства и содержали положения, из-за которых впоследствии лишились лекарств многие из тех, кто в них действительно остро нуждался, новые законы обеспечивали гарантии безопасности потребителя,

которых не существовало в период “Д.Т.” – таким кодовым обозначением многие работники фармацевтической промышленности будут и впоследствии называть эпоху “до талидомида”.

Тогда же, в октябре, Селия узнала, что Эли Кэмпердаун, президент компании “Фелдинг-Рот”, безнадежно болен.

Спустя несколько дней Сэм Хауторн вызвал ее к себе в кабинет.

– Эли прислал записку. Он хочет тебя видеть. Его перевезли домой из больницы, ну а я договорился, чтобы тебя завтра к нему подбросили.

Дом Кэмпердауна стоял в пяти милях к юго-западу от Морристауна, в местечке Маунт-Кембл-Лейк. Большое и старое здание находилось в самом конце длинного подъездного пути. От посторонних глаз его скрывали деревья и густые заросли кустарника. Фасад, сложенный из известняка, потемнел и покрылся зеленоватым налетом. Снаружи казалось, что внутри дома темно. Так оно и было.

Сутулый пожилой дворецкий проводил Селию в дом. Он ввел ее в богато украшенную гостиную, уставленную старинной мебелью, и попросил там обождать. Дом словно вымер – ни звука не доносилось. Наверное, подумала Селия, это потому, что Эли Кэмпердаун живет один: она знала, что он овдовел много лет тому назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Начинающий врач или студент-медик, живущий при больнице.

Купить: <https://tellnovel.com/artur-heyli/sil-nodeystvuyuschee-lekarstvo>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)